

С. И. МАЛОВИЧКО

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАРРАТИВ В СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДОЛГОГО ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА*

В статье изучается национально-государственный нарратив в структуре видов национальной истории – классической модели европейской исторической науки. Ставится вопрос о функционировании понятия «национальная история» в истории истории. Сделана попытка выявить основные маркеры, демонстрирующие трансформацию «национальной истории» XVIII – начала XX в. В предметном поле источниковедения историографии анализируются практики презентации национальной истории в профессиональном историописании XIX – начала XX в. В структуре видов национальной истории (монографии, учебные пособия по национальной истории и др.) определена видовая природа национально-государственного нарратива, относящегося к типу социально-ориентированного историописания.

Ключевые слова: национальная история, национально-государственный нарратив, виды историографических источников, социально-ориентированное историописание.

В разгар Первой мировой войны американский историк Г.М. Стивенс предъявил коллегам обвинение: «Горе нам, профессиональным историкам... если мы не видим написанный кровью умирающей цивилизации Европы ужасный результат раздутого национализма, изложенного в патриотических историях некоторых самых красноречивых историков XIX века»¹. В начале XXI в. редакторы IV тома «Оксфордской истории историописания» выразили схожую мысль, отметив, что развитие «научной истории в тандеме с государством» привело к практике создания «государственно-ориентированных историй, служивших национальным целям», и эта практика «объединила воинственными целями европейских историков и их государства в начале Первой мировой войны»². Так историки указали на связь «патриотической» или «государственно-ориентированной», а шире – национальной истории, с национализмом.

За последние полвека проблема национализма стала чрезвычайно актуальной. Ученые, возглавившие в середине XX столетия процесс институализации *nationalism studies*, также обратили внимание на роль историков в формировании европейского национализма, когда «каждая нация занималась собственной интерпретацией и разработкой истории»³.

*Статья подготовлена в рамках проекта «Историческая память как фактор национальной идентичности: опыт сравнительно-исторического исследования» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

¹ Stephens 1916. P. 236.

² Macintyre, Maiguashca, Pók 2011. P. 2.

³ Kohn 1962 [1944]. S. 29.

В конце XX в. Э.Д. Смит пояснил: «Мишле, Бёрк, Мюллер, Карамзин, Палацкий и многие другие заложили моральный и интеллектуальный фундамент для зарождающегося национализма в своих странах»⁴. На связь конструировавшей историческую память европейской историографии и национализма указали и иные исследователи⁵.

Проблема «национальной истории» была актуализирована в конце XX в. С одной стороны, это произошло под влиянием изучения феномена исторической памяти. П. Нора, один из виновников начавшегося «мемориального бума», указывал, что память национального государства во многом выкристаллизовывалась в исторической традиции и историографии⁶. С другой стороны, интерес к «национальной истории» был вызван эпохой «после крушения Берлинской стены» и наметившейся «второй жизни» (казалось бы, уже умиравшей) национальной истории⁷. По мнению исследователей, традиционная структура историописания, основанная на интересе к национальному прошлому сегодня поддерживается движением к «постнационализму», в результате чего появился «постнеклассический национальный нарратив». Национальная история и сегодня сохраняет свою привлекательность в среде историописателей, не обремененных нормами научной истории⁸.

Историки ставят вопросы: почему актуальная во второй половине XX в. социальная история и последующий культурный поворот не смогли разорвать связь истории с методологическим национализмом; что заставляет историков идти на союз с государством и вырабатывать обновленный инструментарий его легитимации вместо того, чтобы обращать внимание на актуальные для гуманитарного знания объекты изучения? Один из предлагаемых ответов (и с эти м следует согласиться) заключается в том, что национальные истории сегодня играют роль оборонительного механизма против вызовов усложняющейся современности⁹.

Заданный *nationalism studies* тон изучения национальной истории в контексте национализма (национализмов) в историописании повлиял на историков, которые стали плодотворно исследовать практику национального историописания как практику национализма (даже появилось понятие «*historiographic nationalism*»¹⁰). Действительно, изучение истории национализма актуально, но не менее важно обращение к сугубо историографической проблеме – анализу не столько национализма или влияния историографии на формирование национализма, сколько самой национальной истории как (не)научного вида (видов) историописания.

⁴ *Смит* 2002. С. 236.

⁵ *Хобсбаум* 1998; *Андерсон* 2001; *Leerssen* 2006, и др.

⁶ *Нора* 1999А. С. 63.

⁷ *Berger, Donovan, Passmore* 1999. P. 3.

⁸ *Berger* 2006. P. 3.

⁹ *Middell, Roura i Aulinas* 2013. P. 22; *Berger, Conrad* 2015. P. 370.

¹⁰ *Berger, Miller* 2015. P. 6.

* * *

В названии статьи я указал на «долгий Деятнадцатый век» не просто из-за моды на понятие «longue durée». Такие «временные рамки» выполняют в моем исследовании двойственную функцию. С одной стороны, «долгий век» локализует объект исследования в историографическом процессе, с другой стороны, «долгий Деятнадцатый век» выступает метафорой классической модели европейской исторической науки, расцвет которой пришелся на XIX столетие, а национально-государственный нарратив получил свою наибольшую популярность именно в этой модели историографии. Все еще присутствуя в структуре исторического знания, он и сейчас повествует о прошлом нации-государства лишь в той классической форме, которую получил в долгом Деятнадцатом веке.

Национальные истории были и остаются неотъемлемой частью широкой исторической культуры, которая распространялась и поддерживалась, в т.ч., литературой, искусством, разнообразными государственными, общественными и культурными учреждениями, конструиовавшими места национальной памяти или участвовавшими в согласованных актах коллективного воспоминания. Но в данной статье я обращаю внимание лишь на практики презентации национальной истории в историописании, более того, в историописании – профессиональном.

Большая исследовательская перспектива изучения национальной истории в международном или региональном (в рамках континента) масштабе открылась, когда исследователи актуализировали проблему компаративной историографии и начали реализацию проекта NHIST (National Histories in Europe in Nineteenth and Twentieth-Century Europe). Вопрос о сходствах и различии отдельных национальных историй в рамках европейской историографии сегодня обсуждается историками, как и то, сложилась ли на континенте, в целом единая историческая наука или в ней присутствовали лишь близкие между собой подходы¹¹. Я не ставлю задачу выявлять в национальном историописании отличительные типологические черты, свойственные этой практике конструирования прошлого в разных регионах Европы, к чему в конце XX в. призвал М. Хрох¹². Ряд черт, отличавших центрально-восточноевропейское (немецкие земли и Россия) национальное историописание от западноевропейского в XVIII – первой половине XIX в., еще в середине XX столетия выявил Г. Кон, указав на наличие политических и культурных комплексов в немецкой и российской националистически ориентированной исторической мысли¹³. Объектом внимания авторов коллективного труда «Написание национальных историй», стало национальное историописание только в Западной и Центральной Европе (Великобритания, Франция, Германия и Ита-

¹¹ Middell, Roura i Aulinas 2013. P. 1.

¹² Hroch 1999. P. 97.

¹³ Kohn 1962. S. 309-554.

лия)¹⁴. Напротив, М. Баар уточнила и дополнила выводы Кона анализом национального историописания в Центральной и Восточной Европе¹⁵.

Здесь я не останавливаюсь специально на чертах, присущих национальной истории в эпоху романтизма или в позитивистской историографии. Основная задача моего статьи – выявить важнейших свойств такого вида историописания как национально-государственный нарратив, который я рассматриваю в структуре национальной истории долгого Десятилетия XVIII – начала XX в. не являлась (и не является) однородной формой, позиционировавшей знание о прошлом нации-государства. Чтобы решить исследовательскую задачу я последовательно: 1) обращаюсь к вопросу о функционировании понятия «национальная история» в истории истории; 2) выявляю основные маркеры, демонстрирующие трансформацию «национальной истории» во второй половине XVIII – начале XX в.; 3) определяю видовую природу национально-государственного нарратива в структуре видов национальной истории XIX – начала XX в.

I. Функционирование понятия «национальная история» в истории истории

В современной историографии работы о национальном прошлом традиционно называют «национальной историей»¹⁶ или, намного реже – «национальным нарративом»¹⁷. Однако, как оказывается, такие понятия не обладают признаком строгости для проведения историографического анализа. Поэтому – концепт «национальная история», понимаемый как конструкция, состоящая из совокупности разных объектов исторической рефлексии, я пока буду брать в кавычки.

Практика использования данного понятия в истории истории демонстрирует довольно широкое понимание исследователями способов и даже типов историописания, которые называют «национальной историей». Например, Д.Р. Келли предложил вести линию развития «национальной истории» еще от прагматической истории Полибия, через Макиавелли к Новому времени¹⁸. «Национальной историей» именуют работы европейских историков XVIII в. о национальном прошлом, но при этом отмечают, как например, С. Карвалье и Ф. Жеменн, что «национальная история», повествующая об особой роли своего государства и народа, появляется как реакция на универсализм Просвещения¹⁹. То есть, историки дают понять, что «национальная история» после эпохи Просвещения уже несколько иная, чем «национальная история» XVIII в. Но это еще не все. «Национальной историей» называют даже практики обращения к

¹⁴ См.: Writing National Histories... 1999.

¹⁵ Baar 2010.

¹⁶ Платонов 1899. Вып. I. С. 4; Stephens 1916. P. 232.

¹⁷ Phillips 2000. P. 253; Berger 2011. P. 30.

¹⁸ Kelley 1991. P. 8-9, 311-312.

¹⁹ См.: Carvalho, Gemenne 2009. P. 1.

прошлому в совершенно иных, восточных традициях историописания: так, в третьем томе «Оксфордской истории историописания» некоторые китайские и вьетнамские исторические произведения XIII–XVI вв. названы «национальной историей»²⁰. «Национальной историей» назван также первый опыт истории адыгских народов, предпринятый в середине XIX в.²¹, который (несмотря на подражание автору «Истории адыгейского народа» европейским образцам), лучше назвать этнической историей, но отнюдь не той национальной историей, модель которой распространяется в классической модели европейской историографии XIX века. Думается, практике использования концептуального аппарата в последних приведенных примерах вполне подходит сделанное ранее замечание Д. Вульфа о том, что европейские и американские исследователи, «изучающие зарубежный ландшафт, просто колонизировали прошлое живущих там народов, а местные специалисты, исследующие свои национальные истории, часто принимают навязанную им практику западной историографии»²².

В российской историографической культуре, несмотря на использование понятий «национальная история» (С.Ф. Платонов), «местная история» (В.О. Ключевский), «политическая история» (Н.Л. Рубинштейн) стало привычным называть комплекс исторических произведений, посвященных истории России и написанных соотечественниками в XVIII–XXI столетиях – «отечественной историей».

Историку, изучающему такой вид историописания как «национальная история» в кросс-культурной перспективе, сложно анализировать специфику практик использования прошлого в разных моделях историописания. Действительно, если обратить внимание на то, что расцвет «национальной истории» происходит в европейской модели историописания XIX в., что современные национальные нарративы появились в Европе на рубеже XVIII–XIX вв.²³, то становится не вполне понятно, как это согласовать с традицией написания «национальных историй», например, в Китае или Вьетнаме XIII–XVI вв.? Надо согласиться с тем, что такая форма историописания появляется в Европе в начале XIX в. в период расцвета как национальных государств, так и национальных историографий, что она будет лишь потом копироваться Восточной Азией у европейцев²⁴, что «национальную историю» вообще «можно рассматривать как одну из самых успешных статей европейского экспорта во все четыре части мира»²⁵. Однако, присоединяясь к такому выводу нужно также признать, что в средневековом восточном историописании была иная тради-

²⁰ Mittag 2012. P. 29, 35; Ng 2012. P. 65; Wade 2012. P. 121, 123.

²¹ См.: Boeck 1998. P. 319–336.

²² Woolf 2006. P. 75.

²³ Berger 2006. P. 3.

²⁴ Woolf 2006. P. 75.

²⁵ Berger, Conrad 2015. P. 17–18.

ция конструирования прошлого. Не могли же историописатели Востока с конца XIX в. «копировать» у европейцев то, что в их интеллектуальном пространстве давно было? Конечно, можно обратиться к конкретизации концепта «национальная история»: «средневековая национальная история», «восточная национальная история», «средневековая китайская национальная история (учитывая скрытый в понятии «средневековый» европоцентризм)», «национальная история Раннего Нового времени», «национальная история эпохи модерна» и т.д., и вероятно, такая практика расширения и/или уточнения концептуального аппарата частично упорядочит историографический дискурс, но только в том случае, если использующий их историк в состоянии будет внятно объяснить, чем характеризуются перечисленные практики «национальной истории».

Исследователи уже давно обратили внимание на различие европейской «национальной истории» XVIII в. и «национальной истории» последующего – XIX в. В середине XX в. Г. Кон одной из важнейших черт «национальной истории» XIX в. назвал ее националистический характер. В частности, он заметил разницу в российском историописании второй половины XVIII – начала XIX в.: в любительской истории М.М. Щербатова и в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, заключив, что «История» Карамзина является примером перехода к «бездушному национализму»²⁶. Сегодня историки также пытаются различить «национальную историю» эпохи Просвещения и «национальную историю» первой половины XIX в., связанную со строительством национальных традиций в европейских обществах. Как отмечает С. Бергер: «Современные национальные мастер-нарративы в Европе появились с конца XVIII – начала XIX века, в большей степени, как прямой ответ на политические кризисы, вызванные Французской революцией»²⁷. В недавно изданной монографии «Прошлое как история: национальная идентичность и историческое сознание в современной Европе», С. Бергер и К. Конрад структурно разделили историографические традиции, связанные с написанием «национальных историй» XVIII и XIX вв.²⁸ Современные исследователи замечают, что многие тропы, сюжетные линии, присущие «национальным историям» XIX в., могут быть найдены в исторических произведениях, написанных еще в Средневековье и Раннее Новое время²⁹. Такие выводы правомочны, но это не снимает вопрос, связанный с уточнением понятия «национальная история», оставляя его открытым. В своем анализе, я постараюсь актуализировать важные, на мой взгляд, черты историописания, которым придам

²⁶ Kohn 1962. S. 546-547.

²⁷ Berger 2006. P. 3.

²⁸ См.: Berger, Conrad 2015. P. 28-79, 80-139.

²⁹ Berger, Conrad 2015. P. 6; Высокова 2015.

роль маркеров, демонстрирующих трансформацию «национальной истории» второй половины XVIII – начала XX в.

II. Трансформация «национальной истории» во второй половине XVIII – начала XX века

Не все историки согласны с расширительным толкованием понятия «национальная история», с отсутствием строгости в его употреблении. По крайней мере, Л.П. Репина проекты о национальном прошлом XVIII в. назвала «государственно-историческими»³⁰, а А. Лиакос дал им название «преднациональной истории», т.к. они отличаются от национальной истории XIX–XX вв. любительским характером³¹. Выражая согласие с желанием историков разграничить виды историописания XVIII и XIX вв., обращаю внимание на трансформацию традиции обращения к национальному прошлому в этот период. В данном случае, под *трансформацией* я понимаю не простое обновление или постепенное изменение, а преобразование структуры, способа историописания и целевой направленности национальной истории. Несмотря на то, что в этом разделе я буду использовать понятие «национальная история», нужно иметь в виду, что анализ произведений историков, который я буду проводить, основан лишь на одном из видов историописания XVIII в. – «большом нарративе» (многотомная история о прошлом народа или государства) и на национально-государственном нарративе XIX – начала XX в. Характеристику последнего как вида историописания я дам в последнем разделе статьи.

«Большие нарративы» о национальном прошлом, например, У. Робертсона или князя М.М. Щербатова, отличаются от национальных нарративов XIX в. уже тем, что обращение авторов XVIII в. к прошлому в немалой степени было вызвано интересом к общему (по крайней мере – европейскому), они старались рассмотреть то, как общие нормы и универсальные ценности претворяются в истории их народа или государства. Неслучайно, У. Робертсон, в начале многотомной «Истории Шотландии» обратил внимание на весь «грубый и невежественный» в прошлом север Европы и описывал деятельность не только «своих», но и континентальных монархов³², а Щербатов в многотомном труде написал: «...Я пишу в такое время, когда Россия просвещением своим равняется со всеми другими европейскими государствами»³³.

«Большие нарративы» второй половины XVIII в. демонстрировали универсальность опыта прошлого, и такой способ историописания современные исследователи иногда объясняют «космополитическим подходом к вопросам национальной истории»³⁴. Универсализм в исторической

³⁰ Репина 2010. С. 77.

³¹ Liakos 2013. P. 316.

³² Robertson 1826. Vol. 1. P. 1, 76-83.

³³ Щербатов 1770. Т. 1. С. XV.

³⁴ См., напр.: O'Brien 1997. P. 12.

культуре этого периода был связан с верой в неизменность природы самого человека, независимо от времени и культуры, в которой он жил. Например, И.П. Елагин (в задуманном многотомном, но незаконченном) труде по истории России, писал: «Известно мне, что сердце человеческое всегда одинаково, и то же ныне, каково было от самых веков начала. Я ведаю, что те же добродетели и те же пороки и страсти присущи и ныне в Петербурге и в Москве, какие в Афинах и Риме существовали»³⁵.

Конечно, «большие нарративы» второй половины XVIII в. уже имели много черт, которые будут присутствовать в национальных исторических нарративах следующего столетия, это, в первую очередь, актуализация вопросов о территории³⁶ и о периодизации³⁷, а также линейность исторического рассказа (перешедшая в рационалистическую историографию из христианской модели историописания), позиционируемая в качестве последовательности изложения событий прошлого. Рефлексия о линейности истории присутствует у И.П. Елагина, писавшего: «Я разделяю сочинение мое на книги, по мере цепи приключений, дабы взаимная одного времени связь деяний без окончания не прерывалась...»³⁸.

С. Бергер и К. Конрад считают, что для рассмотрения вопроса об изменении «национальной истории» с 1750 до 1850 гг. можно воспользоваться гипотезой Ф. Артога о смене режимов историчности³⁹. Такой подход мне представляется продуктивным. Актуализируя проблему смены режимов историчности, Артог обращает внимание на то, что, с конца XVIII в. Европа начинает воспринимать время «через идеи прогресса, идущего по пути самонакопления, и истории как процесса, осознания себя во времени. Время больше не является “рамкой” для происходящего, события не “случаются” во времени, а “производятся” им самим: время превращается в действующее лицо истории...»⁴⁰. Указанные Артогом черты восприятия исторического времени можно найти в рефлексии о моделях истории российских историописателей второй половины XVIII – начала XIX в. Если князь Щербатов берет зависимую от временных «рамок» модель историописания у Д. Юма, отмечая, что это «великая цепь событий», в которую скрупулезно вставляются случившиеся во времени явления («коснуться каждого звена оныя»)⁴¹, то в начале XIX в. Карамзин

³⁵ Елагин 1803. С. XXXVII–XXXVIII.

³⁶ Например, Ф.А. Эмин писал: «все почти европейские народы должны искать своих праотцов в землях ныне России принадлежащих», «нынешняя Российская империя величиной своей превосходит <...> древние [Дария и Александра] монархии» (см.: Эмин 1767–1769. Т. I. С. XLII, 3).

³⁷ Так, Елагин выявлял на протяжении четырех страниц своего труда периоды истории России, называя их «корни времени» (см.: Елагин 1803. С. XLVI–XLIX).

³⁸ Там же. С. XIV.

³⁹ См.: Berger, Conrad 2015. P. 5.

⁴⁰ Артог 2007. С. 14.

⁴¹ Щербатов 1770. Т. I. С. XV.

уже пробует сопротивляться (воспользуюсь концептом Артога) старому режиму историчности XVIII в. В «Предисловии» к «Истории государства российского», автор замечает: «Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний...»⁴².

По Артогу, в новом режиме историчности «доминирует именно категория будущего: к нему нужно идти, от него исходит свет, делающий интеллигибельным и настоящее, и прошлое. Время начинает пониматься как ускорение (acceleration), и “поучительные” примеры уступают место уникальным событиям»⁴³. Так, в произведении Елагина, писавшего в конце XVIII в., мы находим четкую рефлексию об истории, как кладезе примеров: «открывать добродетель к подражанию и порок к отвращению»⁴⁴. Названная же Артогом категория «будущего», присутствует в историческом нарративе Карамзина, который остро ощущает новое время пост-наполеоновской Европы – оно открыло простор для будущего, и поэтому историк написал: «Новая эпоха наступила. Будущее известно единому богу; но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем <...>»⁴⁵

Говоря о рамках режимов историчности, которые выделил Артог, надо иметь в виду, что они являются лишь инструментом, позволяющим систематизировать восприятие времени историческими культурами XVIII и XIX вв. Этот инструмент применим к творчеству историописателей, независимо от выбранного ими объекта для проведения исторической рефлексии: государство, Европа, мир и т.д. Важно выявить черты, которые появляются в национальной истории XIX в., отличающие ее от предшествующего времени.

Анализ микроструктуры (рубрикация) трудов историков XVIII в. и Н.М. Карамзина, дал возможность И.Е. Рудковской сделать вывод, что, например, в отличие от «Истории» Щербатова, в труде Карамзина присутствует явное стремление к систематизации событий прошлого и «к уходу от погодного их восприятия»⁴⁶. А выявление практики использования персонифицированного времени, в первую очередь, в произведениях о национальном прошлом (Д. Юма, У. Робертсона, Э. Гиббона, М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина), позволило уточнить, что к излету Просвещения, происходит «преодоление традиционной погодной записи событий» и определяется «новая парадигма презентации времени»⁴⁷.

Отмеченные Артогом черты старого и нового режимов историчности и уточнение И.Е. Рудковской о «новой парадигме презентации времени» можно соотнести со сменой типов рациональности в европейской науке, в первую очередь, с классической рациональностью, которая спо-

⁴² Карамзин 1818. Т. 1. С. XXI.

⁴³ Артог 2007. С. 14-15.

⁴⁴ См.: Елагин 1803. С. IX.

⁴⁵ Карамзин 1818. Т. 1. С. VI-VII.

⁴⁶ Рудковская 2013. С. 104-111.

⁴⁷ Рудковская 2014. С. 31, 34.

собствовала дисциплинаризации наук⁴⁸ и формированию исторической науки, в ее классической европейской модели⁴⁹. Представители последней видели неразрывную связь между прошлым, настоящим и будущим и конструировали историю посредством модели «однолинейного прогрессизма». Повествуя об исторических событиях, они воспроизводили не только их хронологическую последовательность, но и структурировали исторические факты таким образом, «чтобы было ясно, как исходные исторические события преобразовались в конечные»⁵⁰. Таким образом, труды XVIII и XIX вв. о национальном прошлом (условно) разделяют разные режимы историчности, а также окончательное утверждение классической европейской рациональности (ее начало надо искать еще в XVIII в.) и, конечно, важным рубежом является наступление эпохи романтизма с присущими ей националистическими чертами.

Большое влияние на национальную историю XIX в. оказала немецкая философия. И.Г. Гердер в конце XVIII в. обратил внимание на национальную самобытность и равноценность разных культур. Правда, его взгляд был сугубо европоцентричен, он восторженно писал, что нигде помимо пространства от Атлантики до «азиатской Татарики» не могло сложиться такого союза «гэлов, кимвров, бургундов, франков, норманнов, саксов, славян, финнов, иллирийцев», пробудившего к жизни «общий дух Европы»⁵¹. Но важно, что Гердер актуализировал еще и новую задачу для гуманитариев – изучать национальные традиции: «Исследователям обычаев народов, их языков следует поторопиться, чтобы не потерять время, пока слои [народов] еще различаются; ибо все в Европе склоняется к тому, чтобы национальные характеры постепенно стирались»⁵².

С начала XIX в. актуальным объектом изучения становятся не только национальные традиции, изучать которые призывал Гердер, но и прошлое народа, а также государства, которое этот народ создал. В.Т. Круг подчеркивал, что «вредно» разделять историю государства и народа, «потому что в силу теснейшей взаимосвязи [между ними] историю одного совершенно невозможно понять без истории другого»⁵³.

В первой четверти XIX в. Г.В.Ф. Гегель провозгласил государство высшей формой человеческого духа, поэтому и народы, создавшие его, являются народами историческими. «Во всемирной истории, – указывал он, – может быть речь только о народах, которые образуют государство». Государство создается конкретным народом, поэтому, оно само «есть дух народа <...>. Действительное государство одушевлено этим духом во всех своих частных делах, войнах, учреждениях и т.д.». По

⁴⁸ См.: *Степин* 2009. С. 249-295.

⁴⁹ См.: *Лубский* 2005. С. 93-132.

⁵⁰ Там же. С. 100-105.

⁵¹ *Гердер* 1977. С. 475-476.

⁵² Там же. С. 476.

⁵³ Цит. по: *Гюнтер, Козеллек, Майер, Энгельс* 2014. С. 199.

мнению Гегеля, внимания заслуживают страницы истории, которые рассказывают о строительстве государства и заслугах его героев, т.к. это примеры проявления «абсолютного разума», а значит и правоты, несмотря на то, что действия «героев» могли быть не идеальными (как выразился Гегель: «какими бы несовершенными они не были»)⁵⁴.

Уже с конца XVIII в. исторические нарративы о национальном прошлом начинают терять универсализм, заданный Просвещением и принимают более героизированные черты, причем героем выступает отдельный идеализированный народ. По мнению И.Е. Рудковской, если для микроструктуры труда князя Щербатова «своеобразной визитной карточкой» были многочисленные рубрики, относящиеся к сфере международных отношений, что «вполне соответствовало приоритетам европейской традиции позднего Просвещения», то «“визитной карточкой” микроструктуры труда Карамзина стали рубрики об отличительных свойствах отечественных героев его “Истории” <...>»⁵⁵.

Нельзя не отметить, что одним из первых опытов идеализации собственного народа явился многотомный исторический нарратив «История Швейцарской конфедерации», подготовленный И. Мюллером⁵⁶. Именно на модель истории Мюллера в начале XIX в. обратили внимание историки, приступившие к конструированию своих историй наций-государств. Н.М. Карамзин, кратко характеризуя опыты авторов, которые, как он заметил, «писали целую историю народов», указал лишь на двоих: Д. Юма и И. Мюллера⁵⁷. Другой российский историописатель С.Н. Глинка, писавший многотомную «Русскую историю» в то же самое время, что и автор «Истории государства российского» (первое издание «Русской истории» Глинки в 10 т. приходится на 1817–1818 гг.), отметил актуальное для формирующейся новой модели национальной истории свойство «Истории Швейцарской конфедерации», выраженное Мюллером (в передаче Глинки) фразой: «Я ограничиваюсь одной историей швейцарцев». Основываясь на этом принципе, Глинка, написал: «Ограничиваюсь историей русских, не пропустил я не только ни одного важного происшествия, но и ни одного достопамятного изречения»⁵⁸. Карамзин, в целом, восхищаясь «благоразумным Юмом», пожурил его (вспомним, – Щербатов смотрел на работу Юма, как на один из образцов) за то, что тот «излишне чуждался Англии»⁵⁹ (т.е. у Юма не было присущего произведению Мюллера свойства – ограничиваться «своим»).

Замечания российских историописателей демонстрируют рефлексивность об одной из важнейших черт новой модели национальной истории –

⁵⁴ Гегель 1993. С. 90, 99.

⁵⁵ Рудковская 2013. С. 104-112.

⁵⁶ См.: Müller 1786-1808.

⁵⁷ Карамзин 1818. Т. 1. С. XIX-XX.

⁵⁸ Глинка 1823. Ч. 1. С. 24-25.

⁵⁹ Карамзин 1818. Т. 1. С. XX.

она должна *актуализировать «свое»*. Не случайно, рефлексия о научности истории и строгости исторического исследования побудила М.Т. Каченовского выразить протест против актуализации «своего» в «Истории государства Российского»: «сия История [Карамзина], писанная в духе национальном и единственно для моих соотечественников...»⁶⁰. Заметим, что в конце XX в. Э.Д. Смит в ряду европейских историков, заложивших «моральный и интеллектуальный фундамент для зарождающегося национализма» называет Мюллера и Карамзина⁶¹. Как указала М. Баар, «История» Карамзина оказала большое влияние на практику написания национальных историй чехом Ф. Палацким, поляком И. Лелевелем, литовцем С. Даукантасом, румыном М. Когэлничану⁶².

Актуализация внимания на «своем» превращалась в идеализацию истории своей нации и поиск критериев ее исключительности. Для Ф. Гизо история французской цивилизации явилась лучшим образцом развития. Он писал: «Франция – та страна, цивилизация которой является наиболее законченной», она «всех полнее, всех истиннее, всех цивилизованней»⁶³. «Ни одна история, – писал российский историк М.П. Погодин, – не заключает в себе столько чудесного <...> как Российская», именно она «может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия, самого верного и надежного»⁶⁴. Исключительность английской истории, конструировалась Д.Р. Грином посредством метафоры «благородного идеала свободы», привнесенного в копилку человечества и идеи конституционного прогресса, ставшего результатом социального развития, не имевшего аналогов в иных странах⁶⁵. Таким образом, выделение «своего» народа и рассказ о прошлом лишь одного коллективного героя – нации-государства становится важнейшей чертой модели национальной истории XIX в.

Трансформацию «национальной истории» как вида историописания можно проследить и по словарным статьям, которые, как известно, фиксируют смысл функционировавшего понятия в определенной культуре и, соответственно, в системе знания конкретной эпохи. В «Словаре Академии российской» (в 6 ч., 1789–1794) статья «история» кратко объясняет, какие существуют виды историй: «История всеобщая, частная. История древняя, новейшая, история церковная, светская, история греческая, римская. История, основанная на истине, баснословии <...>»⁶⁶. Конечно, многотомники Д. Юма, У. Робертсона, М.М. Щербатова и др. согласно такому списку видов историописания относились к истории частной.

⁶⁰ Каченовский 1819. С. 119.

⁶¹ Смит 2002. С. 236.

⁶² Vaár 2010. P. 124-128.

⁶³ Гизо 2006. Т. 1. С. 20, 28.

⁶⁴ Погодин 1846. Кн. 1. С. 10, 16.

⁶⁵ Green J.R. 1874. P. VI, P. 2. *Item*. 1902-1903. Vol. 1. P. VI-VII.

⁶⁶ История 1789–1794. Ч. 3. Стб. 317-318.

В структуре статьи она указана после истории всеобщей, и в «Словаре» не сочли необходимым пояснить – что относится к частной истории.

В «Справочном энциклопедическом словаре» под ред. А.В. Старчевского (середина XIX в.), мы находим уже иное. Там сообщается, что «ест история государств, наук, религий, нравов, искусства, торговли <...>, – словом различных сфер жизни, где видимо проявляется духовная и материальная деятельность. Но и это не есть еще собственное значение, какое обыкновенно дается слову – история. В тесном и исключительном смысле, под названием истории разумеется политико-гражданская история, т.е. *изложение сделанного и совершенного людьми в государственной жизни и для государственной жизни* [курсив мой. – С.М.]»⁶⁷.

Прошло немногим чуть более пятидесяти лет, а в смысле понятия «история» актуализированы черты, которые не были злободневными во второй половине XVIII в., – в первую очередь, черта *этатизма*. Доминирующей практикой историописания становится практика создания государственного нарратива. Особое внимание к государству (не только в названии труда) уже заметно в модели повествования о национальном прошлом Н.М. Карамзина. И.Е. Рудковская заметила, что в «Истории» Карамзина, в отличие от предшественников, много внимания уделяется специфике государственного управления: «Основание Монархии», «Медленные успехи единодержавия», «Общий характер Васильева правления», «Блестящее властвование Годунова» и др.⁶⁸ Рассуждение о государстве как предмете исторического исследования (в котором чувствуется влияние Гегеля) мы находим у И.П. Шульгина, написавшего в 30-х гг. XIX в., что «лишь в общественном соединении, в государстве, жизнь человека, так как и жизнь народа, которого каждый человек составляет часть, достигает своего возможного развития и усовершенствования, а потому и предметом истории преимущественным могут быть только общества благоустроенные, государства»⁶⁹.

Со второй четверти XIX в. все тверже утверждалась идея, что государство формируется сознательной деятельностью отдельных людей и оно само уже с раннего периода становится единым целым. Историки антропоморфизируют государство, оно предстает исторической личностью-индивидуумом высшего порядка, имеющим даже свою душу (этот риторический прием применял уже Гегель). «Первым душу и лицо [Франции] увидел я», «Я первый открыл Францию как человека», писал Ж. Мишле в многотомной «Истории Франции»⁷⁰. Согласно такой идее, народу или нации присуща не просто абстрактная душа, но конкретные черты отдельной «личности-индивидуума». По мнению А.Д. Градовского

⁶⁷ История 1847-1855. Т. 5. С. 223.

⁶⁸ Рудковская 2013. С. 104-105.

⁶⁹ Шульгин 1833–1837. Т. 1. С. 2.

⁷⁰ Michelet 1880. P. I, XXII.

(1870-е гг.), народ есть нравственная и свободная личность, имеющая «право на самостоятельную историю, следовательно, на свое государство»⁷¹. Нация, которая имела единое «сознание» и «душу», способна создать и свое единое государство. Как писал Лампрехт: «нация... удовлетворилась сознанием духовного единства, ...и идеал единого государства дремлет в глубоких тайниках немецкой души»⁷². «Народ», «нация», «государство» (как личность), «народный дух» становятся не просто историографическими метафорами, а мистическими категориями, что, впрочем, нисколько не смущало профессиональных историков.

Так же не всех профессиональных историков смущал и поиск «своей» крови в далекой древности. По замечанию С. Бергера, культура романтизма стимулировала практику поиска в первобытности специфических национальных типов европейских этносов: кельтских, германских, романских и славянских⁷³. «Никакая другая нация Европы не прожила столь длинную жизнь и не представлена такой длинной чередой воспоминаний», писал Сисмонди, начиная 31-томную «Историю французов»⁷⁴. Историки искали «свои» корни (в границах современного им государства, но нередко присматриваясь и к территории соседней) в глубоких «исторических» и даже «доисторических» эпохах. Заслуживают внимания стремление историков идентифицировать в качестве «своих» территории древних регионов Европы и сама нарративная операция, которая на практике оказывалась сугубо риторической. Для примера возьмем «большие нарративы» С.М. Соловьева, Ж. Ортега Рубио, а также «Историю Франции» (в двух сериях – 18 и 9 тт.) под редакцией Э. Лависса. Если Соловьев, говоря о древнейших народах (пока еще – не славянах), проживавших на территории, где потом будет Россия, писал о них как «о первых обитателях отечества нашего»⁷⁵, а испанский историк Ж. Ортега Рубио, рассказывая о крайнем западе Европы в античное время, называл его «нашей территорией»⁷⁶, то П. Видаль де ля Блаш в первом томе «Истории Франции» уже при описании доледникового периода поставил проблему «наших национальных истоков» и отмечал, что это «наша страна»⁷⁷.

В прошлом народа, создававшего свое государство, историзм XIX в. предлагал выявлять структуры, претерпевавшие прогрессивные изменения по мере развития самого государства, или «жизни» этого самого государственного организма. «Земля и народ – это материал, из которого государство создает себя», в середине XIX в. в многотомной «Истории прусской политики», писал И.Г. Дройзен. Жизнь государства, его без-

⁷¹ Градовский 2009. С. 15.

⁷² Лампрехт 1894–1896. Т. 1. С. 17.

⁷³ Berger 2011. P. 23.

⁷⁴ Sismondi 1821. Т. I. P. 2.

⁷⁵ Соловьев 1896. Кн. 1. Т. I-V. С. 29.

⁷⁶ Ortega Rubio 1908–1910. Т. 1. P. XV.

⁷⁷ Vidal de la Blache 1900–1911. Vol. 1. P. 3–4 [Lavissee].

опасность, формирование новых форм управления, изменение социальных институтов, по мнению Дройзена, – «это история его [государства] политики..., у каждого государства есть его собственная политика; она – как раз его жизнь». Заострив внимание на гегелевской идее «исторических народов», Дройзен далее подчеркнул: «не каждому народу дана возможность сформировать государственную жизнь...»⁷⁸. Через два десятка лет эту мысль в своей многотомной «Истории России» продолжал уже Д.И. Иловайский: «Историческими являются только те народы, которые усвоили себе эту [государственную] форму. Народы же, не усвоившие ее, остались на степени дикарей. Отсюда естественная и неразрывная связь истории какого-либо народа с движением его государственного быта»⁷⁹.

Телеологизм, присущий историческому сознанию, позволял соединять прошедшие события с актуальными для развития нации-государства чертами настоящего и действующими институтами управления. Если снова воспользоваться понятием «режим историчности», то следует указать, что в новом режиме, история, перестав выполнять роль кладезя примеров, позволила смотреть на прошлое с позиций настоящего и представлять историю народа метафорой «машины», движущейся по пути прогресса (К.Н. Бестужев-Рюмин писал в «Русской истории»: «...одно явление, цепляясь за другое, двигает всю машину»⁸⁰), но этого мало, национальная история связывается с гипотетическим, но прогрессивным будущим. Рефлексия о *господстве истории над будущим* помещалась историками именно в национальные нарративы. Новое состояние николаевской России, по мнению Устрялова, обещает «вожделенные плоды в будущем»⁸¹. Гизо восторженно писал, что в будущем Франция добьется большого успеха, что ход человеческой цивилизации вообще, а «в особенности французской, поставил великую задачу, составляющую особенность нашего времени; в разрешении ее заинтересовано все будущее...»⁸². А в последней четверти XIX в. американский историк Э. Чаннинг, заканчивая свою «Историю» итогами Гражданской войны 1861–1865 гг., заключил: «...Американский народ... бодро смотрел вперед на те задачи, которые готовило для него будущее»⁸³.

Эта черта была присуща не исследовательским работам по национальной истории (о них – ниже), а в первую очередь, национальным историям, авторы которых, отмечали эпохи становления нации-государства как триумфальный процесс, стараясь продлить его в будущее.

В рамках классической европейской историографии уже со второй четверти XIX в. сначала немецкие, а потом и российские историки все

⁷⁸ Droysen 1855. Bd. 1. S. 3.

⁷⁹ Иловайский 1876. Т. 1. Ч. 1. С. VI.

⁸⁰ Бестужев-Рюмин 1872. Т. 1. С. 8-9.

⁸¹ Устрялов 1839. Ч. 1. С. 7.

⁸² Гизо Т. 1. С. 16, 28-29.

⁸³ Чаннинг 1897. С. 330.

чаще начинали рефлексировать не только об объективности истории, но и о ее *научности*. «История российского государства, в смысле науки», «Русская история есть наука», не уставал с 30-х гг. повторять Н.Г. Устрялов⁸⁴. Объективность и научность, истории, замечает сегодня Д.Р. Келли, начали проповедоваться как раз тогда, когда историки стали обслуживать национальную идеологию»⁸⁵.

Профессиональные историки XIX в. не сомневались в том, что национальная история может быть научной (а значит объективной), поэтому, тот же Устрялов в многотомной «Русской истории» отметил эти качества словом «верная», подчеркнув: «Русская история достигает своей цели *верным* [выделено мной. – С.М.] изображением перемен, случившихся в состоянии Русской державы, с указанием причин тому и следствий»⁸⁶, а С.Ф. Платонов основную задачу историков, конструировавших национальную историю (несмотря на то, что видел в такой истории и практическую функцию), сформулировал такими словами: «в данном случае можно выразиться, – долг, – национальной историографии... в том, чтобы показать обществу его прошлое в истинном свете... а только научный труд может быть полезен общественному самосознанию»⁸⁷. Усиленное внимание профессиональных историков к национальной истории для читателей явилось гарантией «истинности» того света, которым они освещали вопросы национального прошлого.

Этапизм, выражавшийся присутствием в рассказах о прошлом вопросов, связанных с высокой политикой, правящими династиями, войнами и т.д., стал стержнем интерпретационного способа проникновения в прошлое, позволявшим отбирать государствообразующие «события» и историзировать их. В Российской империи «государство» как предмет истории активно позиционировали всем категориям читателей, что заметно в разных видах национальных историй Устрялова, который в «Истории России» (1 изд. 1837 г. в 4 ч., затем – 5 ч.) писал: «Русская история, в смысле науки, как основательное знание минувшей судьбы русского народа, должна объяснять постепенное развитие гражданской жизни его <...> указать, какое место занимает Россия в системе прочих государств»⁸⁸. Как видим, здесь историк объединил народ с его гражданским состоянием, а государство упомянул лишь потом (судя по словарю Даля, в XIX в. «гражданский» понимался как «относящийся к гражданам, к государственному или народному управлению, к подданству»⁸⁹). Но в учебных пособиях для гимназий и уездных училищ Устрялов не стал использовать понятие «гражданский», в котором прочитывалось несколько

⁸⁴ См., напр.: Устрялов 1836. С. 5; Его же. 1840. С. 3.

⁸⁵ Kelley 2003. P. 132.

⁸⁶ Устрялов 1839. Ч. 1. С. 5-6.

⁸⁷ Платонов 1899. Вып. I. С. 4-5.

⁸⁸ Устрялов 1839. Ч. 1. С. 5.

⁸⁹ Даль 1903. Т. 1. Стлб. 962-963.

смыслов, а писал проще, – сразу указывая именно на «государство»: «Русская история есть наука, объясняющая постепенное развитие государственной жизни русского народа [в пособии для народных училищ вместо «русского народа», указано: «нашего отечества»] <...>»⁹⁰. Историческое образование оказывало большое влияние на национальное сознание европейских обществ, и в нем все больше утверждалась особая форма исторического мышления – историцизирующая всё и вся.

Таким образом, процедура разграничения исторических нарративов о национальном прошлом XVIII и XIX вв. носит инструментальный характер. При проведении историографического анализа она позволяет индивидуализировать разные модели истории и устанавливать условный порог их функционирования в разных исторических культурах. Надо учитывать, что историописание о национальном прошлом XVIII в. имело неоднозначную структуру, в которой присутствовали не только «большие нарративы», но и работы иного характера, и эта структура еще требует своего изучения.

Можно сделать вывод, что в первой половине XIX в. на фоне профессионализации историографии, утверждения классической модели европейской исторической науки, возникает модель национальной истории, своими параметрами отличавшаяся от «больших нарративов» XVIII в. Несмотря на то, что в национальной истории XIX в. присутствовали черты, характерные для исторического повествования предшествующего времени, выявляются важные маркеры, демонстрирующие трансформацию практики историописания о нации-государстве:

1. В отличие от любительского интереса к прошлому страны, настоящего XVIII в., новая модель национальной истории XIX в. все больше становилась делом профессиональных историков и адресовали они ее широкому кругу читателей.

2. На рубеже XVIII–XIX вв. появилось особое внимание к «своему» народу-государству, народ и его герои становятся значимыми только «в государственной жизни и для государственной жизни».

3. Эпоха романтизма усиливает чувство этатизма, позволившее застегнуть на истории народа государственный мундир и антропоморфизировать нацию-государство.

4. На смену «примерам» приходят «события», отобранные как особо важные в деле национального строительства, а новый «режим историчности» соединяет их между собой в модели однолинейного прогрессизма, связывая национальное прошлое с будущим.

5. В классической европейской историографии научная история пытается обслуживать национальные и государственные интересы, в результате чего, актуализируемые, кроме научной, практическая и воспитательная задачи национальной истории усиливают неоднородность

⁹⁰ Устрялов 1842. С. 5; Его же. 1840. С. 3.

способов позиционирования национального прошлого, основой которых были разные типы исторического знания (начало их сосуществования проявляется еще в XVIII в.).

III. Национально-государственный нарратив в структуре видов национальной истории XIX – начала XX века

В классической модели европейской исторической науки XIX в. так называемая «национальная история» не представляла собой однородный монолит – один вид историописания. Неслучайно Л.П. Репина замечает, что важно обращать внимание не только на базовые характеристики самой этой формы исторического повествования, «но также на ее положение в пространстве историографии как академической дисциплины и сложные отношения с другими тематическими направлениями, которые в разное время формировали меняющиеся образы истории как науки»⁹¹.

В конце XIX в. в статье «История» для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона, Н.И. Кареев постарался сформулировать свое определение «национальной истории». Он написал, что в отличие от всеобщей истории, такая история «называется частной, при чем она получает название национальной (или отечественной), если изображение жизни народа сделано лицом к этому народу принадлежащим и ставившим своей задачей содействие национальному самосознанию своего народа»⁹². С. Бергер предложил понимать национальную историю «как определенную форму презентации истории, которая стремится сформировать прошлое национального государства, помогает его формированию или старается повлиять на уже существующие представления о нем в национальном самосознании»⁹³. Таким образом, Кареев и Бергер увидели основную задачу национальной истории в формировании национального (государственного) самосознания, несмотря на то, что сами авторы национальных историй (вспомним Устрялова и Платонова) часто рефлексировали о своей практике историописания как о практике научной.

Заслуживает внимания мысль К.Д. Кавелина, высказанная еще в 1851 г. в положительной (в целом) журнальной рецензии на первый том, задуманной С.М. Соловьевым многотомной «Истории России». Кавелин заметил, что там нет присущих научному исследованию признаков. Рецензент искренне ожидал их увидеть в произведении, уже получившего известность своими монографиями историка («от такого ученого... все ожидали замечательного сочинения»). Поэтому Кавелин отнес новую работу Соловьева к «разряду» исторических произведений неисследовательского характера, написав, что «...это сочинение исключительно прагматическое. Спрашивается: удовлетворяет ли современным требованиям науки одно прагматическое изложение <...>? Мы думаем,

⁹¹ Репина 2010. С. 77.

⁹² Кареев 1894. С. 502.

⁹³ Berger 2006. P. 14.

что нет»⁹⁴. Как можно заметить, в творчестве историка (Соловьева), изучавшего национальную историю, Кавелин увидел разные способы историописания: научный и иной (прагматический).

Недавно С. Бергер и К. Конрад предложили рассматривать национальную историю как сложный и многоуровневый вид историописания. Говоря об инфраструктуре национальной истории, они выделили в ней три связанные между собой уровня и провели довольно условную их систематизацию: 1) чаще всего многотомные «большие работы», по истории национального прошлого государства или народа, иногда выделяющиеся литературным успехом (напр., «История Англии» Т.Б. Маколея); 2) национальная история, написанная историком-соотечественником, который рассматривает ее как самое важное занятие для историка (отличается от местной, региональной, европейской, мировой историй выбором территориальных рамок); 3) мета- или мастер-нарратив, т.е. совокупность согласованных между историками конструкций о тех или иных периодах, событиях, образах национальных героев или врагов, соседей и т.д., присутствующих в определенной исторической культуре⁹⁵.

Систематизация, предложенная Бергером и Конрадом, учитывает выбор историков прошлого (авторов национальных историй) лишь в одном случае – когда историк смотрит на свою практику национального историописания как на самое важное занятие. Однако напрашивается вопрос: статья по национальной истории, многотомная национальная история, монография по отдельным проблемам национальной истории и т.д. рассматривались авторами как научные произведения или как работы, выполненные в ином типе историописания? Такой вопрос возникает потому, что предложенная многоуровневая инфраструктура национальной истории, представляет удобство для исследования роли национальной истории в строительстве идентичности европейских обществ, но не включает рефлексии о сложной структуре национального историописания, представленного: а) разными видами произведений историков, б) произведениями, принадлежавшими к разному типу историописания.

По мнению Й. Рюзена, типология способов исторического повествования помогает понимать структуру истории, находить общее и особенное, сравнивать выявленные типы друг с другом и в поле теоретической историографии проводить процедуру их систематизации⁹⁶. Рюзен выделяет четыре типа (способа) исторического повествования: «традиционное», «образцовое», «критическое» и «генетическое повествование». Историк не уверен, что следует выделять пятый тип исторического повествования – сугубо научный (*Wissenschaftsspezifisch*), т.к. научность (рационально проверяемая) может заключаться во всех четырех типах исто-

⁹⁴ Кавелин 1897. Т. 1 С. 414-415, 419.

⁹⁵ Berger, Conrad 2015. P. 1-2.

⁹⁶ Rösen 1990. S. 208.

риописания, так же как во всех четырех типах может обнаружиться и «культурная ориентация» (kulturellen Orientierung), умаляющая в том или ином историческом произведении научность⁹⁷.

Если процедура выделения типов исторического повествования строится Рюзенем на теоретико-историографическом подходе (во многом наследуя взгляды на способы историописания Дройзена и Ницше), то согласно концепции Научно-педагогической школы источниковедения (сайт Источниковедение.ru⁹⁸), систему видов историописания можно вполне плодотворно изучать в предметном поле источниковедения историографии, которое востребует метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории (тем самым, выводя на теоретико-историографический уровень). Объектом этого предметного поля является система видов историографических источников (произведений историков), а предметом – порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальных практиках⁹⁹.

Для различения практической функции в историописании (или «культурной ориентации», когда история воспринимается «пригодной для жизни») и научного исторического знания Рюзен считает принципиальным вопрос о смысле исторического повествования: тип повествования определяется тем, какой *смысл (Sinn)* ему задал автор изучаемого исторического произведения¹⁰⁰. Подход Научно-педагогической школы источниковедения к систематизации способов исторического повествования близок к предложенному Рюзенем, их сближает принцип анализа произведений историков, учитывающий авторский замысел. Однако рефлексия о чужой одушевленности позволяет принять иной принцип для процедуры выделения видовой структуры исторических источников – принцип *целеполагания его автора* («Другого»), а значит и классифицировать историографические источники не по цели современного исследователя и не по смыслу, заданному автором, а по *целеполаганию* изучаемого историка прошлого и культуры его времени.

«Культурная ориентация» в произведениях историков является, по Рюзену, обратной или второй стороной истории (с чем нельзя не согласиться), но выделив типы исторического повествования, он не предложил процедуры разделения этих сторон, так как не ставил такой задачи. Напротив, в силу понимания того, что ширится состав субъектов, располагающих возможностью позиционирования своего взгляда на прошлое, Научно-педагогическая школа источниковедения акцентирует внимание на типах исторического знания – научном и социально-ориентированном

⁹⁷ Ibid. S. 153-230.

⁹⁸ См.: Источниковедение.ru

⁹⁹ Маловичко, Румянцева 2014. С. 203.

¹⁰⁰ Rüsen 2013. S. 27; Item. 1990. S. 171.

и, выявляя специфику их сосуществования, предлагает критерии, позволяющие в историографическом исследовании отличать научное исследование от социально-ориентированного историописания¹⁰¹.

По типу представленного в историографических источниках (произведениях историков) исторического знания источниковедение историографии разделяет их на две группы: 1) группу видов историографических источников научной истории (монографии, диссертации, научные статьи, рецензии и отзывы, материалы историографических дискуссий, исторические очерки и др.); 2) группу видов историографических источников социально-ориентированного историописания.

О сосуществовании двух типов исторического знания мы уже неоднократно писали¹⁰², поэтому ограничусь самым важным. Социально-ориентированное историописание не стремится быть нейтральным к прошлому, как того требует наука. Оно поддерживается и/или актуализируется историческим сознанием общества, а также навязывающей обществу «нужный» образ прошлого властью. Социально-ориентированное историописание – это строительство идентичности, имеющее целью конструировать национальное, локальное, конфессиональное прошлое, оно выполняет практические задачи удовлетворения потребностей общества в нужном (соответственно той или иной ситуации) прошлом, а также контроля над социальной памятью.

В исторической науке, кроме «национальной истории», присутствуют иные практики историописания, позволяющие более корректно проводить историографический анализ. Конечно, этот анализ будет бессмысленным занятием, если мы воспользуемся утвердившимся в российской историографической практике концептом «отечественная история», который распространяется на квалификационную специальность профессиональных историков, на образовательную и научную деятельность в области истории России. Но есть также такие понятия, как «*национально-государственная историография*»¹⁰³ и «*национально-государственный нарратив*»¹⁰⁴, впервые выделенный Научно-педагогической школой источниковедения как отдельный вид в системе видов историографических источников социально-ориентированного историописания, наряду с учебной литературой по национальной истории и местной историей (историческим краеведением)¹⁰⁵. Именно они являются основными формами реализации социально-ориентированного знания.

Национально-государственный нарратив как вид историописания возник в классической европейской модели исторической науки XIX в.,

¹⁰¹ См.: Маловичко, Румянцева 2012. С. 275–282; Маловичко 2015. С. 505–559.

¹⁰² См., напр.: Маловичко, Румянцева 2013.

¹⁰³ См.: Савельева, Полетаев 2003–2006. Т. 2. С. 563–580.

¹⁰⁴ См.: Добровольский 2014. С. 324–325.

¹⁰⁵ См.: Маловичко 2015. С. 545–550.

получив в этом же столетии наибольшее распространение. Он включает в себя всю известную историю того или иного нации-государства, или значительную часть этой истории, выстраиваемую в линейной перспективе. Хронологически организованный рассказ об истории нации-государства построен на *событийном подходе* как четкая последовательность логически выявляемых периодов, имевших в своей структуре набор княжеских, королевских, царских и т.д. династий, войн, завоеваний, перемен в структуре управления государством и пр. Такой способ исторического повествования Й. Рюзен назвал «традиционным» (линейный, ориентированный на строительство идентичности)¹⁰⁶. Субъектом истории здесь выступает государство, представленное как единое целое с коллективным героем – народом (нацией). Практика создания национально-государственного нарратива представляла собой специальный интерпретационный способ проникновения в прошлое, с помощью которого целенаправленно подавлялись или актуализировались нужные события, «герои», «национальные враги» и т.д. Национально-государственный нарратив призван оправдывать существующее государство и присущие ему особенности.

Национально-государственные нарративы имели разную идеологическую перспективу (либеральную, монархическую, имперскую и т.д.) и не обязательно представляли собой многотомные произведения. Например, цель «Русской истории профессора А. Трачевского» (в 2 ч.) была сформулирована автором так: «...дать сочинение, которое представило бы, в общедоступной форме, обработанный свод современных знаний о прошлом его отечества, которых ищет теперь каждый образованный русский» и «которое заняло бы место между тщедушными “руководствами” и многотомными Левиафанами...»¹⁰⁷. Национально-государственный нарратив мог быть представлен и одной книгой, таким примером является «Ирландская национальность»¹⁰⁸ ирландского историка Э.С. Грина, жены известного британского историка Д.Р. Грина. История Ирландии еще не была разработана, поэтому первоначально могла быть представлена лишь небольшой книгой.

Несмотря на то, что учебникам и учебным пособиям по национальной истории присуща форма национально-государственного нарратива (конструкции национального-государственного прошлого редуцированы в нужную форму), их авторы ставят другую цель, эти исторические произведения выполняют в исторической культуре того или иного времени несколько иные функции. Поэтому учебная литература по национальной истории относится к другому виду историографических источников социально-ориентированного историописания. Но могут быть исключения. Например, «История цивилизации во Франции» Ф. Гизо, «Лекции по рус-

¹⁰⁶ Rüsen 1990. S. 179.

¹⁰⁷ См.: Трачевский 1895. Ч. 1. С. I-II.

¹⁰⁸ См.: Green A.S. 1911.

ской истории» С.Ф. Платонова, «Курс русской истории» В.О. Ключевского задумывались как лекции студентам. Анализ происхождения и содержания этих историографических источников позволяет отнести их к учебной литературе по национальной истории, но их популярность и многочисленные переиздания способствовали тому, что культура эпохи задала им иную направленность. В исторической культуре Франции и России эти исторические произведения стали выполнять роль национально-государственных нарративов.

Надо заметить, что разницу в многоотомной государственной (частной) истории и исследовательской («ученой») работе увидел еще в конце XVIII в. историк И.М. Стриттер, который по заказу Комиссии об учреждении народных училищ готовил российскую историю. В первой части «Истории российского государства» он признал, что «рачительного критического исследования» в таком сочинении, как его, «не может иметь места», но желающему, которому хочется узнать больше, «можно читать сочинения ученых», среди которых Стриттер упомянул Г.З. Байера, А.Л. Шлёцера, датского историка Г. Шенинга и др.¹⁰⁹ Мысль, высказанная историком, вполне ясна – написание труда по государственной истории (я не употребляю здесь более подходящее данному труду понятие, т.к. Стриттер не являлся коренным россиянином и русскую историю писал на немецком языке) отличается от «ученой» истории (исследования), написанной по вопросам истории того же самого государства.

С первой половины XIX в. функцию «рачительного критического исследования», как ее назвал Стриттер, начинает выполнять *монография*, которая в иерархии видов произведений историков становится основным, – отвечающим всем требованиям научности видом. Именно в монографии с наибольшей полнотой исследовались выбранные историками темы, в том числе, связанные с проблемами национальной истории. Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, обратив внимание на монографию как одну из форм «исторических сочинений», отметили, что одни и те же историки, прославившие себя научными исследованиями и, монографии которых «для специалистов заслуживают всяческих похвал, оказываются способными, когда пишут для публики, на серьезные отступления от научного метода». Французские историки (по вполне понятным для французов того времени причинам) такими авторами называли только немцев: Моммзена, Дройзена, Курциуса и Лампрехта¹¹⁰ (впрочем, именно о немецких историках «объективной школы» (Ранке, Моммзен, Вайц) так же написал В.С. Иконников¹¹¹). В данном случае, не столь важно, что из перечисленных историков только двое занимались проблемами немецкой истории (И.Г. Дройзен и К. Лампрехт). Ланглуа и Сеньобос обратили внимание на воз-

¹⁰⁹ *Стриттер* 1800–1802. Ч. 1. С. 1.

¹¹⁰ *Ланглуа, Сеньобос* 2004. С. 268–277.

¹¹¹ *Иконников* 1891–1908. Т. 1. Кн. 1. С. 230.

возможность присутствия в творчестве профессиональных историков двух разных подходов к конструированию истории – один презентуется в монографиях, второй, в исторических произведениях, подготовленных для широкой публики. Не случайно, в «Курсе лекций по русской истории» В.О. Ключевский минимизировал «научность» своего труда практическим интересом и «дидактической силой»¹¹². Н.И. Кареев, давая определение национальной истории [см.: выше], пояснил, что от нее нужно отличать исторические монографии, которые изучают «какое-либо отдельное событие или явление»¹¹³. Таким образом, Ланглуа, Сеньобос и Кареев в конце XIX в. (в период расцвета национальных историографий) в пространстве национальной истории увидели несколько способов историописания – один из которых являлся научным.

Сегодня С. Бергер и К. Конрад замечают, что «национальное историописание... стоит на перекрестке исторической науки и политики в области истории»¹¹⁴. С этим трудно не согласиться, на две стороны истории указал и Й. Рюзен, но я бы хотел вернуться к рефлексиям Стриттера, Кареева, Ланглуа и Сеньобоса о неоднозначности государственного / национального историописания, и в таком случае, замечание Бергера и Конрада о «политике в области истории» можно отнести не к «национальной истории» вообще, «стоящей на перекрестке», а прежде всего к произведениям, авторы которых ставили цель строительства национальной и государственной идентичности. В этой связи возникает вопрос, разве можно не различать научные работы, в которых, в том числе, изучались вопросы национальной истории Л. фон Ранке и его «Zwölf Bücher Preussischer Geschichte» («Двенадцать книг прусской истории» в 5 т., 1874), где он постарался выстроить историю одного из немецких государств, прокладывая «верный» путь общенационального триумфа, или научные диссертации С.М. Соловьева (изданные в виде монографий) и его «Историю России с древнейших времен» в 29 т. (1851–1879)?

В XIX в. по национальной истории писали много работ, относящихся к группе видов историографических источников *научной истории*: диссертации, монографии, научные статьи и др., в которых изучались отдельные проблемы. Рюзен такой способ исторического повествования назвал «генетическим» (изучается процесс, изменяющаяся структура или структуры в течении изменяющегося времени)¹¹⁵. Это не значит, что в таких видах историографических источников, как статья, исторические очерки и др., присутствует только научный тип историописания. Анализ содержания историографического источника позволяет выявлять пред-

¹¹² Ключевский 1987-1990. Т. 1. С. 33.

¹¹³ Кареев 1894. С. 502.

¹¹⁴ Berger, Conrad 2015. P. 1-2.

¹¹⁵ Rüsen 1990. S. 188-189.

ставленное в нем историческое знание и его тип, его парадигмальные основания и связь с историографической культурой своего времени.

В качестве примера научного исследования по национальной истории можно привести магистерскую диссертацию С.М. Соловьева «Об отношениях Новгорода к великим князьям» (1845). Изданная отдельной книгой в 1846 г. она имеет черты такого вида историографических источников, относящихся к группе видов научной истории, как монография. Принадлежность к научной истории в ней выдает поставленная историком цель и задачи работы: «прежде всего мы должны определить», «показать», «и потом уяснить причины» и т.д.¹¹⁶ Цель такого труда – получение и презентация нового научного знания.

В национально-государственном нарративе С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» мы найдем сюжеты и выводы, которые историк брал из своих диссертаций (монографий), но повествовательная модель национально-государственного нарратива не ограничивалась данными, основанными на сообщениях исторических источников, принятых в то время за более или менее «достоверные». Эта модель истории строилась и на иных нарративных приемах. Например, в рассказе о событиях в Восточной Европе второй половины IX века Соловьев в качестве исторических источников использовал такие, какие не позволял себе использовать в монографиях – т.н. «дополнения» Никоновской летописи (он называл их «преданиями», которым не доверял даже Карамзин) и Степенную книгу. Именно указанные исторические источники позволили Соловьеву обратить внимание на легендарного Вадима и на восстание новгородцев (под руководством Вадима), чтобы поместить конструкцию о сложности утверждения системы властвования в свою «Историю»¹¹⁷.

Назвав князя Олега «князем-нарядником Земли», Соловьев рассказал о том, как он собирал «под одно знамя» племена, после чего сделал замечание: «историки не имеют никакого права заподозрить это *предание* [выделено мною – С.М.], отвергнуть значение Олега, как собирателя племен»¹¹⁸. Не только выбранная автором стратегия отбора «событий» демонстрирует социально-ориентированную практику историописания, но и объяснения, к которым прибегает Соловьев, призваны позиционировать идею национального строительства (собирать племена) и особенность «своей» истории в общем европейском пространстве. Так, объясняя предание о «выборе веры» (в нем сомневались историки¹¹⁹) князем Владимиром Святославичем, он написал: «Последнее обстоятельство, т.е. выбор веры, есть особенность русской истории: ни одному другому

¹¹⁶ Соловьев 1846. С. 1.

¹¹⁷ Соловьев 1896. Кн. 1. Т. I-V. С. 110.

¹¹⁸ Там же. С. 122.

¹¹⁹ См., напр.: *Арцыбашев* 1838. Т. 1. С. 68.

европейскому народу не предстояло необходимости выбора между религиями; но не так было на востоке Европы, на границах ее с Азией...»¹²⁰.

К конструированию прошлого в национально-государственном нарративе вполне подходит меткое название, данное такой практике в 1837 г. Н.И. Надеждиным – «полу-свет». В одной из своих работ Надеждин, не отрицая важности исторической критики, а также роли М.Т. Каченовского и «скептической школы» в формировании научности в истории, укорял их за то, что они не смогли быть снисходительнее к «полу-свету» некоторых «фактов» русской истории¹²¹. Надеждин мотивировал свой вывод защитой национальных, но не научных интересов.

Как я уже выше отметил, национально-государственные нарративы отличались от научных работ своим целеполаганием, предполагающим строительство национально-государственной идентичности. Именно такую, а не научную задачу, ставил перед своей «Историей Франции» Ж. Мишле (причем, как он сам заметил – «сложную задачу») – «воскрешение единой жизни... в ее внутренней и глубинной организации»¹²². Мы не найдем научной цели в «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева (хотя, его работа в немалой степени являлась исследовательской), историческое произведение начинается с рефлексии о практическом его значении: «Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной»¹²³. Не случайно, в третьей четверти XIX в. И.Г. Дройзен (считавший подобную практику написания национальных историй полезной) также отметил их сугубо практическое (а не научное) значение: «...они – и только они – дают государству, народу, армии и т.д. образ самого себя»¹²⁴.

В отличие от исследовательских работ национально-государственный нарратив предназначался для широкой читательской аудитории. Историки – авторы таких исторических произведений, не часто, но рефлексировали о предназначенности своих произведений. На рубеже XIX–XX столетий испанский историк Р. Альтамира прямо указал на отличие «общей истории» Испании от исследований отдельных проблем национального прошлого, заметив, что первое должно охватывать все стороны человеческой деятельности (политическую, юридическую, экономическую, художественную и т.д.) и быть доступно для обычного читателя¹²⁵.

Национально-государственные нарративы, посвященные прошлому отдельных наций-государств, во многом, представляют собой лишь вариации на общую тему. В XIX в. в Европе, а затем и на североамериканском

¹²⁰ Соловьев 1896. Кн. 1. Т. I-V. С. 164.

¹²¹ Надеждин 1837. С. 116-131.

¹²² Michelet 1880. Т. 1. Р. III.

¹²³ Соловьев 1896. Кн. 1. Т. I-V. С. 1.

¹²⁴ Дройзен 2004. С. 499.

¹²⁵ Altamira 1913. Vol. 1. P. 11-15.

континенте сложилась модель национальной истории, основой которой, по мнению А. Лиакоса, стала рефлексия о «европейском каноне» – наборе определенных правил, которые проявлялись, помимо прочего, в употребляемых в текстах оценочных категорий («свободный», прогрессивный» и т.д.) и объясняющих концептов: «европеизация», «отставание», «наверстывание», «анти-вестернизация» и др.¹²⁶ Взаимодействие с «канонами», считает Лиакос, стало одним из формирующих национальные историографии элементов. Наиболее сложные отношения с «канонами» были в центре Европы (Германия), на ее западной (Испания), южной (Балканы) и восточной (Россия) перифериях, где одновременно действовали практики «европеизации», и «анти-вестернизации». Это формировало определенные исторические конструкции, которые базировались на идее отсутствия в «своем» прошлом тех или иных черт, присущих «канону». Так, греческая история не знала ни Ренессанса, ни Просвещения. Поэтому, основанное на такой модели историческое сознание, часто актуализировало не то, что «произошло в прошлом», а, наоборот, то, что в «прошлом не произошло»¹²⁷. Например, у российских историков, осознание того, «что не произошло» в национальной истории, по сравнению с «канонами», часто представлялось не как «утеря» или «досадный пропуск», напротив, то, «что не произошло» позиционировалось как «благо». По выражению Устрялова, – это «вредные плевалы», которые не усваивались «отличительным свойством [русского] народного характера»¹²⁸.

Но такая дискурсивная практика, не была оригинальным национальным продуктом, она была продуктом «канона», ответом на этот «канон». Как не была оригинальной и практика поиска некоторыми немецкими и российскими историками «государственной жизни, в собственных формах и с собственным обликом»¹²⁹, или особенностей «самобытного развития»¹³⁰. По меткому замечанию Лиакоса, тень европейской истории всегда маячила за плечами авторов национальных историй¹³¹, как склонных к концепции немецкого «особого пути» (Sonderweg), так и российского славянофильства.

Сосредоточение внимания на типах исторического знания – научном и социально-ориентированном – способствует не дискредитации отличной от научной истории практики создания национально-государственных нарративов, относящихся к социально-ориентированному типу историописания (для последующего изгнания), а выявлению специфики сосуществования разных типов исторического знания (каждый из которых выполняет важные функции) и помогает выработать критерии,

¹²⁶ Liakos 2013. P. 317-334.

¹²⁷ Ibid. P. 320, 330-334.

¹²⁸ Устрялов 1839. Ч. 1. С. 21.

¹²⁹ См., напр.: Droysen 1855. Bd. 1. S. 3.

¹³⁰ См., напр.: Иловайский 1876. Т. 1. С. 17.

¹³¹ Liakos 2013. P. 318-320, 333-334.

позволяющие в историографическом исследовании (в частности, в поле источниковедения историографии) отличать виды национальной истории.

Классическая европейская модель историографии, в которой национально-государственный нарратив занял самое почетное место, выступила основным инструментом трансляции в общественное сознание англичан, немцев, французов, русских и т.д. представления об особой ценности собственного государства, прошедшего долгий, нелегкий, но славный путь своего строительства. В неклассической модели исторической науки интерес профессиональных историков к написанию национально-государственных нарративов сменился заинтересованностью в изучении истории отдельных социальных, культурных, экономических, политических процессов, а модель таких исследований уже не соответствовала линейной модели истории, характерной для национально-государственных нарративов. Поэтому в XX в. для написания трудов по национально-государственной истории стали создавать авторские коллективы, в рамках которых каждый из историков писал тот или иной раздел истории, соответствовавший его научным интересам (например, «История Франции» в 27 томах под редакцией Э. Лависса).

Кризис национально-государственного нарратива как вида национальной истории начался вместе с кризисом классической модели исторической науки. П. Нора замечает: «Эта модель истории больше не работает. Ни с точки зрения научной, ни с точки зрения моральной, ни как метод, который она применяет, ни как соответствующая ей философская система. Ее распад начался в эпоху между мировыми войнами...»¹³². Профессиональная историография стала избавляться от безусловной веры в единый однолинейный исторический процесс и необратимый прогресс. Неклассическая, а затем и постнеклассическая рациональность, социокультурные изменения и военные катастрофы, происходившие в мире, снижали веру в господство истории над будущим, постепенно смещая ее в область неактуального, что еще больше уменьшило интерес профессиональной историографии к национально-государственному нарративу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андерсон А.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
- Артог Ф.* Мировое время, история и написание истории // Крыніцзнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У. Н. Сідарцоў і інш. Мінск: БДУ, 2007. С. 13–23.

¹³² *Нора* 1999В. С. 8. В СССР предпринимались усилия по созданию советского национально-государственного нарратива, но два коллективных проекта остались незавершенными: в 1953–1958 гг. вышли в свет девять томов «Очерков истории СССР», в которых изложение событий было доведено до конца XVIII в., а с 1966 по 1980 г. были изданы одиннадцать из задуманных 12-ти томов «Истории СССР с древнейших времен до наших дней».

- Арцыбашев Н.С.* Повествование о России: в 4 т. М.: Университетская типогр., 1838.
- Бестужев-Рюмин К.[Н.]* Русская история: в 2 т. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872-1885.
- Высокова В.В.* Национальная история в британской традиции историописания эпохи Просвещения: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 46 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории / Пер. А.М. Водена. СПб.: Наука, 1993. 490 с.
- Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества / Пер. с нем. и прим. А.В. Михайлова. М.: Наука, 1977. 703 с.
- Гизо Ф.* История цивилизации во Франции: в 4 т. / Пер. с фр. П.Г. Виноградов. М.: Рубежи XXI, 2006.
- [Глинка С.Н.]* Руская история, сочиненная Сергеем Глинкою: в 14 ч. М.: Университетская типогр., 1823.
- Градовский А.[Д.]* Национальный вопрос в истории и литературе / Предисл. А.С. Сенина; Гос. публ. ист. 6-ка России. М., 2009. 287 с.
- Гюнтер Х., Козеллек Р., Майер К., Энгельс О.* История (Geschichte, Historie) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: в 2 т. / Пер. с нем. М.: НЛЮ, 2014. Т. 1. С. 45-240.
- [Даль В.И.]* Гражданин - гражданский // Словарь живого великорусского языка Владимира Даля [3-е изд.]: в 4 т. Т. 1: А-З. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1903. Стлб. 962-963.
- Добровольский Д.А.* Национальная история // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 324-325.
- Дройзен И.Г.* Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Владимир Даль, 2004. 584 с.
- [Елагин И.П.]* Опыт повествования о России: сочинение Ивана Елагина, начатое на 65-м году от его рождения, лета от Р.Х. 1790, Двора его императорского величества обер-гофмейстера. Кн. I-III. М.: Университетская типогр., 1803. 532 с.
- Иконников В.С.* Опыт русской историографии: в 2 т., 4 кн. Киев, 1891-1908.
- Иловайский Д.И.* История России, соч. Д. Иловайского: в 5 т. Т.1. Ч. 1: Киевский период. М.: Типогр. Грачева и К., 1876. 342 с.
- История // Словарь Академии Российской:* в 6 ч. СПб.: При Имп. Академии наук, 1789-1794. Ч. 3.: от З. до М. Стб. 317-318.
- История // Справочный энциклопедический словарь:* в 12 т. / Под ред. А.[В.] Старчевского. СПб.: Изд. К. Крайя, 1847-1855. Т. 5 [И, I, К—Кап]. С. 223-228.
- Источниковедение.ru* [Электронный ресурс]: страница науч.-пед. школы / редкол.: Д.А. Добровольский и др. – Электрон. дан. – М., сор 2010-2016. – Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru/>, свободный.
- Кавелин К.Д.* История России с древнейших времен. Соч. Сергея Соловьева. Том первый. Москва. 1851 // Собрание сочинений К.Д. Кавелина: в 4 т. Т. 1: Монографии по русской истории. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1897. С. 413-508.
- Карамзин Н.М.* История государства российского: в 12 т. СПб.: Типогр. Н. Греча, 1818-1829.
- [Кареев Н.И.]* История // Энциклопедический словарь [Ф.А. Брокгауза, И.А. Эфрона]. Т. XIIIа [Исторические журналы – Калайдович]. СПб.: Типогр. И.А. Эфрона, 1894. С. 502.
- [Каченовский М.Т.]* От киевского жителя к его другу (Письмо II) // Вестник Европы. 1819. Ч. 103. № 1. С. 117-132, 198-208, 289-298.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. I. // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1987-1990. Т. 1. С. 33.
- [Лампрехт К.]* История германского народа Карла Лампрехта. В 3 т. М., 1894-1896. Т. 1. М.: Типогр. В. Рихтер, 1894.

- Ланглюа Ш.-В., Сеньбос Ш. Введение в изучение истории / Пер. с фр. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. 305 с.
- Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования / А.В. Лубский. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 352 с.
- Маловичко С.И. Источниковедение историографии // Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2015. С. 505–559.
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013. 254 с.
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Источниковедение историографии // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 203.
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Социально-ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве: приглашение к дискуссии // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 274–290.
- Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. 1837. Т. 20. № 2. Отд. III. С. 93–136.
- Нора П. Нация-память // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. С. 51–66. *Нора П.* 1999А.
- Нора П. Предисловие к русскому изданию // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 5–14. *Нора П.* 1999В.
- [Платонов С.Ф.] Лекции по русской истории, профессора Платонова: Читанные в 1898–99 учебн. году на Высших женских курсах, в Императорском С.-Петербургском университете и в Военно-юридической академии: в 3 вып. СПб.: Столичная скоропечатня, 1899.
- [Погодин М.П.] Историко-критические отрывки, М. Погодина: в 2 кн. Кн. 1. М.: Типогр. Августа Семена, 1846. 464 с.
- Решина Л.П. «Национальные истории» и концепции «истории как науки»: проблема совместимости // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 77–78.
- Рудковская И.Е. Микроструктура трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина как маркер традиции позднего Просвещения // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 90–114.
- Рудковская И.Е. Персонифицированное время в историографической традиции позднего Просвещения // Диалог со временем. 2014. Вып. 47. С. 21–35.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. СПб.: Наука, 2003–2006.
- Смит Э.Д. Национализм и историки // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. / Пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 236–263.
- Соловьев С.[М.] Об отношении Новгорода к великим князьям: Историческое исследование. М.: Университетская типогр., 1846. 179 с.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 6 кн. [29 т.]. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1896.
- Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура / Отв. ред.: Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб.: Мирь, 2009. С. 249–295.
- [Стриттер И.М.] История российского государства, сочиненная статским советником и кавалером Иваном Стриттером: в 3 ч. СПб.: Типогр. Ф. Брункова, 1800–1802.
- [Трачевский А.С.] Русская история профессора А. Трачевского: в 2 ч. [2-е изд.] СПб.: К.Л. Риккера, 1895.

- [Устрялов Н.Г.] Русская история Н. Устрялова: в 5 ч. [изд. 2-е, испр.]. Ч. 1. СПб.: Типогр. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. 363 с.
- [Устрялов Н.Г.] Начертание русской истории, для средних учебных заведений. Сочинение Н. Устрялова [изд. 4-е]. СПб.: Типогр. Штаба военно-учебн. заведений, 1842. 232 с.
- [Устрялов Н.Г.] О системе прагматической русской истории / рассуждение, написанное на степень доктора философии Николаем Устряловым. СПб.: Типогр. Л. Снегирева и Ко, 1836. 89 с.
- [Устрялов Н.Г.] Руководство к первоначальному изучению русской истории, сочинение Н. Устрялова, признанное Министерством народного просвещения учебной книгой для уездных училищ [2-е изд.]. СПб.: Типогр. Императорской Рос. Акад., 1840. 90 с.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
- Чаннинг Э. История Соединенных Штатов Северной Америки (1765-1865 гг.) / Пер. с англ. [Культурно-историческая библиотека]. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1897. 409 с.
- [Шульгин И.П.] Изображение характера и содержания новой истории, Ивана Шульгина: в 2 т. СПб.: Типогр. Н. Греча, 1833-1837. Т. 1: Изображение характера и содержания истории первых десяти веков по падении Римской империи (история средних веков). СПб., 1837. 394 с.
- [Щербатов М.М.] История российская с древнейших времен / сочинена князем Михайлом Щербатовым: в VII т. [12 ч.]. Т. I. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1770. 399 с.
- [Эмин Ф.А.] Российская история жизни всех древних от самого начала России государей / сочиненная Федором Эминым: в 3 т. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1767-1769.
- Altamira R. Historia de España y de La Civilización Española: 4 vol. [3 ed.]. Vol.1. Barcelona: Julian Gili, 1913. 660 p.
- Baár M. Historians and Nationalism: East-Central Europe in the Nineteenth Century. N.Y.: Oxford University Press, 2010. 335 p.
- Berger S. National Historiographies in Transnational Perspective: Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Storia della Storiografia. 2006. Nu. 50. P. 3-26.
- Berger S. The Invention of National Traditions in European Romanticism // The Oxford History of Historical Writing: in 5 vol. Vol. 4: 1800-1945 / ed. by S. Macintyre, J. Maignushca, A. Pók. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 19-40.
- Berger S., Conrad C. The Past as History: National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe [Series Writing the Nation]. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015. 592 p.
- Berger S., Donovan M., Passmore K. Apologies for the Nation-State in Western Europe since 1800 // Writing National Histories: Western Europe since 1800 / ed. by S. Berger, M. Donovan, K. Passmore. London: Routledge, 1999. P. 3-14.
- Berger S., Miller A. Introduction: Building Nations In and With Empires – A Reassessment Nationalizing empires // Nationalizing empires / ed. by A. Miller, S. Berger. Budapest; N.Y.: Central European University Press, 2015. P. 1-30.
- Boeck B.J. Probing Parity Between History and Oral Tradition: Putting Shora Nogmov's History of the Adygei People in its Place // Central Asian Survey. 1998. Vol. 17. No. 2. P. 319-336.
- Carvalho S., Gemenne F. Introduction // Nations and their Histories: Constructions and Representations / ed.s by S. Carvalho, F. Gemenne. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 1-3.
- [Droysen J.G.] Geschichte der preußischen Politik / von Joh. Gust. Droysen: in 14 bd. Bd. 1.: Die Gründung. Berlin: von Veit, 1855. 670 s.
- [Green A.S.] Irish Nationality / Alice Stopford Green. N.Y; L.: H. Holt & Co, 1911. 260 p.
- [Green J.R.] A Short History of the English People / J.R. Green. L.: Macmillan and Co., 1874. 861 p.

- [Green J.R.] *A Short History of the English People* / by J.R. Green: in 4 vols. [Illustrated ed.]. L.; N.Y.: Macmillan and Co., 1902-1903.
- Hroch M. *Historical Belles-Lettres as a Vehicle of the Image of National History // National History and Identity: Approaches to the Writing of National History in the North-East Baltic Region, 19th and 20th Centuries* / ed. by M. Branch. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999. P. 97–108.
- Kelley D.R. *Fortunes of History: Historical Inquiry from Herder to Huizinga*. New Haven: Yale University Press, 2003. 439 p.
- Kelley D.R. *Versions of History from Antiquity to the Enlightenment*. New Haven; L.: Yale University Press, 1991. 529 p.
- Kohn H. *Die Idee des Nationalismus: Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution*. Hamburg: S. Fisher, 1962. 576 s.
- [Lavisson E.] *Histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution: dans 18 vol. Vol. 1* / par P. Vidal de la Blache, G. Bloch. Paris: Hachette, 1900-1911. P. 3-4. (460 p.)
- Leerssen J. *National Thought in Europe: A Cultural History*. Amsterdam: University Press, 2006. 313 p.
- Liakos A. *The Canon of European History and the Conceptual Framework of National Historiographies // Transnational Challenges to National History Writing* // eds by M. Middell, L. Roura. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 315-342.
- Macintyre S., Maiguashca J., Pók A. *Editors' Introduction // The Oxford History of Historical Writing: in 5 vol. Vol. 4: 1800-1945* / eds by S. Macintyre, J. Maiguashca, A. Pók. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 1-15.
- [Michelet J.] *Histoire de France par Jules Michelet: 18 t. T. 1* Paris: A. Lacroix et Compagnie, 1880. 336 p.
- Middell M, Roura i Aulinas L. *The Various Forms of Transcending the Horizon of National History Writing // Transnational Challenges to National History Writing [Series: Writing the Nation]*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 1-35.
- Mittag A. *Chinese Official Historical Writing under the Ming and Qing // The Oxford History of Historical Writing 2012: in 5 vols. Vol.3: 1400-1800* / eds by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 24-59.
- Müller J., von. *Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft: in 5 Bde. Leipzig, 1786-1808*.
- Ng O. *Private Historiography in Late Imperial China // The Oxford History of Historical Writing: in 5 vols. Vol. 3: 1400–1800* / ed. by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 60-79.
- O'Brien K. *Narratives of Enlightenment: Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 264 p.
- Ortega Rubio J. *Historia de España: 8 t. / por D. Juan Ortega Rubio*. Madrid: Bailly-Bailliere, 1908-1910.
- Phillips M.S. *Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820*. Princeton: Princeton University Press, 2000. 569 p.
- Robertson W. *The History of Scotland // The Works of William Robertson: in 10 vol. Vol. 1: The History of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. L.: T. Tegg, 1826. 409 p.*
- Rüsen J. *Historik. Theorie der Geschichtswissenschaft* / Jörn Rüsen. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2013. 322 s.
- Rüsen J. *Zeit und Sinn. Strategien historischen Denkens*. Frankfurt am Main: Fischer, 1990. 284 s.
- [Sismondi J.C.L.S.] *Histoire des français: dans XXXI t. / par J.C.L. Simonde de Sismondi. T. I*. Paris: Treuttel et Würtz, 1821. 504 p.
- Stephens H.M. *Nationality and History // The American Historical Review. 1916. Vol. 21. No 2. P. 225-236.*

- Wade G. Southeast Asian Historical Writing / Geoff Wade // The Oxford History of Historical Writing 2012: in 5 vols. Vol.3: 1400-1800 / ed. by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 119-147.
- Woolf D. Of Nations, Nationalism, and National Identity: Reflections on the Historiographic Organization of the Past // The Many Faces of Clio Cross-cultural Approaches to Historiography / ed. by Q.E. Wang, Fr. Fillafer. N.Y.: Berghahn Books, 2006. P. 71-103.
- Writing National Histories: Western Europe since 1800 / eds by S. Berger, M. Donovan, K. Passmore. L.: Routledge, 1999. 332 p.

REFERENCES

- Anderson, A. Vooobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nacionalizma / Per. S angl. V.G. Nikolaeva. M.: KANON-press C,-Kuchkovo pole, 2001. 288 s.
- Artog, F. Mirovye vremya, istoriya i napisanie istorii // Krynicaznaustva i specyjal'nyja gistorychnyya dycypliny: navuk. zb. Vyp. 3 / rjedkal.: U. N. Sidarcou i insh. Minsk: BDU, 2007. S. 13–23.
- Arcybashev, N.S. Povestvovanie o Rossii: v 4 t. M.: Universitetskaja tipogr., 1838.
- Bestuzhev-Rjumin, K.[N.] Russkaja istorija: v 2 t. SPb.: Tipogr. A. Transhelja, 1872-1885.
- Vysokova, V.V. Nacional'naja istorija v britanskoj tradicii istoriopisanija jepohi Prosveshhenija: Avtoref. dis... d-ra ist. nauk. Ekaterinburg, 2015. 46 s.
- Gegel', G.V.F. Lekcii po filosofii istorii / Per. A.M. Vodena. SPb.: Nauka, 1993. 490 s.
- Gerder, I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva / Per. s nem. i prim. A.V. Mihajlova. M.: Nauka, 1977. 703 s.
- Gizo, F. Istoriya civilizacii vo Francii: v 4 t. / Per. s fr. P.G. Vinogradov. M.: Rubezhi XXI, 2006.
- [Glinka, S.N.] Ruskaja istorija, sochinennaja Sergeem Glinkoju: v 14 ch. M.: Universitetskaja tipogr., 1823.
- Gradovskij, A.[D.] Nacional'nyj vopros v istorii i literature / Predisl. A.S. Senina; Gos. publ. ist. b-ka Rossii. M., 2009. 287 s.
- Gjunter, H., Kozellek R., Majer K., Jengel's O. Istoriya (Geschichte, Historie) // Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponjatij: Izbrannye stat'i: v 2 t. T. 1. / Per. s nem. M.: NLO, 2014. S. 45-240.
- [Dal', V.I.] Grazhdanin - grazhdanskij // Slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka Vladimira Dalja [3-e izd.]: v 4 t. T. 1: A – Z. SPb.; M.: T-vo M.O. Vol'f, 1903.
- Dobrovolskij, D.A. Nacional'naja istorija // Teorija i metodologija istoricheskogo nauki: terminologicheskij slovar' / otv. red. A. O. Chubar'jan. M.: Akvilon, 2014. S. 324-325.
- Drojzen, I.G. Istorika: lekcii ob jenciklopedii i metodologii istorii. SPb.: Vladimir Dal', 2004. 584 s.
- [Elagin, I.P.] Opyt povestvovaniya o Rossii: sochinenie Ivana Elagina, nachatoe na 65-m godu ot ego rozhdenija, leta ot R.H. 1790, Dvora ego imperatorskogo velichestva ober-gofmejestera. Kn. I-III. M.: Universitetskaja tipogr., 1803. 532 s.
- Ikonnikov, V.S. Opyt ruskoj istoriografii: v 2 t., 4 kn. Kiev, 1891-1908.
- Ilovajskij, D.I. Istoriya Rossii, soch. D. Ilovajskogo: v 5 t. T.1. Ch. 1: Kievskij period. M.: Tip. Gracheva i K., 1876. 342 s.
- Istoriya // Slovar' Akademii Rossijskoj: v 6 ch. SPb.: Pri Imp. Akademii nauk, 1789–1794. Ch. 3.: ot Z. do M. Stb. 317-318.
- Istoriya // Spravochnyj jenciklopedicheskij slovar': v 12 t. / Pod red. A.[V.] Starčevskogo. SPb.: Izd. K. Krajja, 1847-1855. T. 5 [I, I, K—Kap]. S. 223-228.
- Istochnikovedenie.ru [Jelektronnyj resurs]: stranica nauch.-ped. shkoly / redkol.: D.A. Dobrovolskij i dr. – Jelektron. dan. – M., cop 2010-2016. – Rezhim dostupa: <http://ivid.ucoz.ru/>, svobodnyj.

- Kavelin, K.D.* Istorija Rossii s drevnejshih vremen. Soch. Sergeja Solov'eva. Tom pervyj. Moskva. 1851 // *Sobranie sochinenij K.D. Kavelina*: v 4 t. T. 1: Monografii po russkoj istorii. SPb.: Tipogr. M.M. Stasjulevicha, 1897. S. 413-508.
- Karamzin, N.M.* Istorija gosudarstva rossijskogo: v 12 t. SPb.: Tipogr. N. Grecha, 1818-1829.
- [*Kareev, N.I.*] Istorija // *Jenciklopedicheskij slovar'* [F.A. Brokgauza, I.A. Jefrona]. T. XIIIa [Istoricheskie zhurnaly – Kalajdovich]. SPb.: Tipogr. I.A. Jefrona, 1894. S. 502.
- [*Kachenovskij, M.T.*] Ot kievskogo zhitelja k ego drugu (Pis'mo II) // *Vestnik Evropy*. 1819. Ch. 103. № 1. S. 117-132, 198-208, 289-298.
- Ključevskij, V.O.* Kurs russkoj istorii. Ch. I. // *Ključevskij V.O. Sochinenija*: v 9 t. / pod red. V.L. Janina. M.: Mysl', 1987-1990. T. 1. S. 33.
- [*Lamprecht, K.*] Istorija germanskogo naroda Karla Lamprehta. V 3.t. M., 1894-1896. T. 1. M.: Tipogr. V. Rihter, 1894.
- Langlva, Sh.-V., Sen'obos, Sh.* Vvedenie v izučenie istorii / Per. s fr. M.: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2004. 305 s.
- Lubskij, A.V.* Al'ternativnye modeli istoričeskogo issledovanija / A.V. Lubskij. M.: Social'no-gumanitarnye znanija, 2005. 352 s.
- Malovichko, S.I.* Istochnikovedenie istoriografii // Istochnikovedenie: ucheb. posobie / I.N. Danilevskij, D.A. Dobrovol'skij i dr.; otv. red. M.F. Rumjanceva. M.: Izd. dom «Vysshaja shkola jekonomiki», 2015. S. 505-559.
- Malovichko, S.I., Rumjanceva, M.F.* Istorija kak strogaja nauka vs social'no orientirovanoe istoriopisanie: monografija. Orehovo-Zuevo: MGOGI, 2013. 254 s.
- Malovichko, S.I., Rumjanceva, M.F.* Istochnikovedenie istoriografii // Teorija i metodologija istoričeskoi nauki terminologičeskij slovar' / otv. red. A.O. Chubar'jan. M.: Akvilon, 2014. S. 203.
- Malovichko, S.I., Rumjanceva, M.F.* Social'no-orientirovannaja istorija v aktual'nom intellektual'nom prostranstve: priglasenie k diskussii // Istoricheskoe poznanie i istoriograficheskaja situacija na rubezhe XX–XXI vv. M.: IVI RAN, 2012. S. 274-290.
- Nadeždin, N.I.* Ob istoričeskikh trudah v Rossii // Biblioteka dlja čtenija. 1837. T. 20. № 2. Otd. III. S. 93–136.
- Nora, P.* Nacija-pamjat' // Francija-pamjat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pjuimezh, M. Vinok. SPb.: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 1999. S. 51-66. Nora P. 1999A.
- Nora, P.* Predislovie k russkomu izdaniju // Francija-pamjat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pjuimezh, M. Vinok. SPb.: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 1999. S. 5-14. Nora P. 1999B.
- [*Platonov, S.F.*] Lekcii po russkoj istorii, professora Platonova: Chitannye v 1898-99 uchebn. godu na Vysshih ženskikh kursah, v Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete i v Voенно-juридичeskoi akademii: v 3 vyp. SPb.: Stolichnaja skoropechatnja, 1899.
- [*Pogodin, M.P.*] Istoriko-kritičeskije otryvki, M. Pogodina: v 2 kn. Kn. 1. M.: Tipogr. Avgusta Semena, 1846. 464 s.
- Repina L.P.* «Nacional'nye istorii» i koncepcii «istorii kak nauki»: problema sovместimosti // Nacional'nyj / social'nyj harakter: arheologija idej i sovremennoe nasledstvo. M.: IVI RAN, 2010. S. 77-78.
- Rudkovskaja, I.E.* Mikrostruktura trudov M.M. Shherbatova i N.M. Karamzina kak marker tradicii pozdnego Prosveshhenija // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. 2013. Vyp. 43. S. 90-114.
- Rudkovskaja, I.E.* Personificirovanoe vremja v istoriograficheskoi tradicii pozdnego Prosveshhenija // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. 2014. Vyp. 47. S. 21-35.
- Savel'eva, I.M., Poletaev, A.V.* Znanie o proshlom: teorija i istorija: v 2 t. SPb.: Nauka, 2003-2006.

- Smit, Je.D. Nacionalizm i istoriki // Nacii i nacionalizm / B. Anderson, O. Baujer, M. Hroh i dr. / Per. s angl. i nem. L.E. Perejaslavcevoj, M.S. Panina, M.B. Gnedovskogo. M.: Praksis, 2002. S. 236-263.
- Solov'ev, S.[M.] Ob otnoshenijah Novgoroda k velikim knjaz'jam: Istoricheskoe issledovanie. M.: Universitetskaja tipogr., 1846. 179 s.
- Solov'ev, S.M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen: v 6 kn. [29 t.]. SPb.: Tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1896.
- Stepin, V.S. Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlichenija // Postneklassika: filosofija, nauka, kul'tura / Otv. red.: L.P. Kijashhenko, V.S. Stepin. SPb.: Mir, 2009. S.249-295.
- [Stritter, I.M.] Istorija rossijskogo gosudarstva, sochinennaja statskim sovetnikom i kavalerom Ivanom Stritterom: v 3 ch. SPb.: Tipogr. F. Brunkova, 1800-1802.
- [Trachevskij, A.S.] Russkaja istorija professora A. Trachevskogo: v 2 ch. [2-e izd.] SPb.: K.L. Rikera, 1895.
- [Ustrjalov, N.G.] Russkaja istorija N. Ustrjalova: v 5 ch. [izd. 2-e, ispr.]. Ch. 1. SPb.: Tipogr. jekspedicii zagotovlenija gos. bumag, 1839. 363 s.
- [Ustrjalov, N.G.] Nachertanie russkoj istorii, dlja srednih uchebnyh zavedenij. Sochinenie N. Ustrjalova [izd. 4-e]. SPb.: Tipogr. Shtaba voenno-uchebnyh zavedenij, 1842. 232 s.
- [Ustrjalov, N.G.] O sisteme pragmaticheskoj russkoj istorii / rassuzhdenie, napisannoe na stepen' doktora filosofii Nikolaem Ustrjalovym. SPb.: Tip. L. Snegireva i Ko, 1836. 89 s.
- [Ustrjalov, N.G.] Rukovodstvo k pervonachal'nomu izucheniju russkoj istorii, sochinenie N. Ustrjalova, priznannoe Ministerstvom narodnogo prosveshhenija uchebnoj knigoj dlja uezdnyh uchilishh [2-e izd.]. SPb.: Tipogr. Imperatorskoj Ros. Akad., 1840. 90 s.
- Hobsbaum, Je. Nacii i nacionalizm posle 1780 goda / Per. s angl. A.A. Vasil'eva. SPb.: Aletejja, 1998. 306 s.
- Channing, Je. Istorija Soedinennyh Shtatov Severnoj Ameriki (1765–1865 gg.) / Per. s angl. [Kul'turno-istoricheskaja biblioteka]. SPb.: Izd. O.N. Popovoj, 1897. 409 s.
- [Shul'gin I.P.] Izobrazhenie haraktera i sodержanija novoj istorii, Ivana Shul'gina: v 2 t. SPb.: Tip. N. Grecha, 1833-1837. T. 1: Izobrazhenie haraktera i sodержanija istorii pervyh desjati vekov po padenii Rimskoj imperii (istorija srednih vekov). SPb., 1837. 394 s.
- [Shherbatov, M.M.] Istorija rossijskaja s drevnejshih vremen / sochinena knjazem Mihajlom Shherbatovym: v VII t. [12 ch.]. T. I. SPb.: Pri Imp. Akademii nauk, 1770. 399 s.
- [Jemin, F.A.] Rossijskaja istorija zhizni vseh drevnih ot samogo nachala Rossii gosudarej / sochinennaja Fedorom Jeminym: v 3 t. SPb.: Pri Imp. Akademii nauk, 1767-1769.
- Altamira R. Historia de España y de La Civilización Española: 4 vol. [3 ed.]. Vol.1. Barcelona: Julian Gili, 1913. 660 p.
- Baár M. Historians and Nationalism: East-Central Europe in the Nineteenth Century. N.Y.: Oxford University. Press, 2010. 335 p.
- Berger S. National Historiographies in Transnational Perspective: Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Storia della Storiografia. 2006. Nu. 50. P. 3-26.
- Berger S. The Invention of National Traditions in European Romanticism // The Oxford History of Historical Writing: in 5 vol. Vol. 4: 1800-1945 / eds by S. Macintyre, J. Maignushca, A. Pók. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 19-40.
- Berger S., Conrad C. The Past as History: National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe [Series Writing the Nation]. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015. 592 p.
- Berger S., Donovan M., Passmore K. Apologias for the Nation-State in Western Europe since 1800 // Writing National Histories: Western Europe since 1800 / eds by S. Berger, M. Donovan, K. Passmore. London: Routledge, 1999. P. 3-14.
- Berger S., Miller A. Introduction: Building Nations In and With Empires – A Reassessment Nationalizing empires // Nationalizing empires / eds by A. Miller, S. Berger. Budapest; N.Y.: Central European University Press, 2015. P. 1-30.

- Boeck B.J.* Probing Parity Between History and Oral Tradition: Putting Shora Nogmov's History of the Adygei People in its Place // *Central Asian Survey*. 1998. Vol. 17. No. 2. P. 319-336.
- Carvalho S., Gemenne F.* Introduction // *Nations and their Histories: Constructions and Representations* / eds by S. Carvalho, F. Gemenne. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 1-3.
- [*Droysen J.G.*] *Geschichte der preußischen Politik* / von Joh. Gust. Droysen: in 14 bd. Bd. 1.: Die Gründung. Berlin: von Veit, 1855. 670 s.
- [*Green A.S.*] *Irish Nationality* / Alice Stopford Green. N.Y.; L.: H. Holt & Co, 1911. 260 p.
- [*Green J.R.*] *A Short History of the English People* / J.R. Green. L.: Macmillan and Co., 1874. 861 p.
- [*Green J.R.*] *A Short History of the English People* / J.R. Green: in 4 vols. [Illustrated ed.]. L.; N.Y.: Macmillan and Co., 1902-1903.
- Hroch M.* Historical Belles-Lettres as a Vehicle of the Image of National History // *National History and Identity: Approaches to the Writing of National History in the North-East Baltic Region, 19th and 20th Centuries* / ed. by M. Branch. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999. P. 97-108.
- Kelley D.R.* *Fortunes of History: Historical Inquiry from Herder to Huizinga*. New Haven: Yale University Press, 2003. 439 p.
- Kelley D.R.* *Versions of History from Antiquity to the Enlightenment*. New Haven; L.: Yale University Press, 1991. 529 p.
- Kohn H.* *Die Idee des Nationalismus: Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution*. Hamburg: S. Fisher, 1962. 576 s.
- [*Lavissee E.*] *Histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution: dans 18 vol. Vol. 1 / par P. Vidal de la Blache, G. Bloch*. Paris: Hachette, 1900-1911. P. 3-4. (460 p.)
- Leerssen J.* *National Thought in Europe: A Cultural History*. Amsterdam: University Press, 2006. 313 p.
- Liakos A.* The Canon of European History and the Conceptual Framework of National Historiographies // *Transnational Challenges to National History Writing* // ed. by M. Middell, L. Roura. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 315-342.
- Macintyre S., Maiguashca J., Pók A.* Editors' Introduction // *The Oxford History of Historical Writing: in 5 vol. Vol. 4: 1800-1945* / ed. by S. Macintyre, J. Maiguashca, A. Pók. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 1-15.
- [*Michelet J.*] *Histoire de France par Jules Michelet: 18 t. T. 1* Paris: A. Lacroix et Compagnie, 1880. 336 p.
- Middell M., Roura i Aulinas L.* The Various Forms of Transcending the Horizon of National History Writing // *Transnational Challenges to National History Writing [Series: Writing the Nation]*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 1-35.
- Mittag A.* Chinese Official Historical Writing under the Ming and Qing // *The Oxford History of Historical Writing 2012: in 5 vols. Vol.3: 1400-1800* / eds by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 24-59.
- Müller J., von.* *Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft: in 5 Bde.* Leipzig, 1786-1808.
- Ng O.* Private Historiography in Late Imperial China // *The Oxford History of Historical Writing: in 5 vols. Vol.3: 1400-1800* / eds by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 60-79.
- O'Brien K.* *Narratives of Enlightenment: Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 264 p.
- Ortega Rubio J.* *Historia de España: 8 t. / por D. Juan Ortega Rubio*. Madrid: Bailly-Bailliere, 1908-1910.
- Phillips M.S.* *Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740-1820*. Princeton: Princeton University Press, 2000. 569 p.

- Robertson W. The History of Scotland // The Works of William Robertson: in 10 vol. Vol. 1: The History of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. L.: T. Tegg, 1826. 409 p.
- Rüsen J. Historik. Theorie der Geschichtswissenschaft / Jörn Rüsen. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2013. 322 s.
- Rüsen J. Zeit und Sinn. Strategien historischen Denkens. Frankfurt am Main: Fischer, 1990. 284 s.
- [Sismondi J.C.L.S.] Histoire des français: dans XXXI t. / par J.C.L. Simonde de Sismondi. T. I. Paris: Treuttel et Würtz, 1821. 504 p.
- Stephens H.M. Nationality and History // The American Historical Review. 1916. Vol. 21. No 2. P. 225-236.
- Wade G. Southeast Asian Historical Writing / Geoff Wade // The Oxford History of Historical Writing 2012: in 5 vols. Vol.3: 1400-1800 / ed. by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 119-147.
- Woolf D. Of Nations, Nationalism, and National Identity: Reflections on the Historiographic Organization of the Past // The Many Faces of Clio Cross-cultural Approaches to Historiography / ed. by Q.E. Wang, Fr. Fillafer. N.Y.: Berghahn Books, 2006. P. 71-103.
- Writing National Histories: Western Europe since 1800 / ed. by S. Berger, M. Donovan, K. Passmore. L.: Routledge, 1999. 332 p.

Маловичко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, кафедры истории исторического факультета Государственного гуманитарно-технологического университета (Московский государственный областной гуманитарный институт); профессор кафедры Теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета; sergei.malovichko@gmail.com

The National-State Narrative in the Structure of Various Kinds of National History of the Long Nineteenth Century

The article studies the national-state narrative in the structure of various kinds of national history in the classical model of the European historical discipline. The author has asked a question: how does the concept of «national history» function in the history of historiography. He attempted to reveal the main markers that showed transformation of «national history» from the 18th to the early 20th century. Within the subject field of a source study of a historiography, this study analyzes the practices of the presentation of national history in the professional writing of history in the 19th – early 20th century. The analysis of the structure of kinds of national history (monographs, manual on national history, etc.) revealed the specifics of the national-state narrative, which refers to a type of a socially oriented historical writing.

Keywords: national history, national-state narrative, kinds of historiographic sources, socially oriented historical writing.

Sergey Malovichko, Dr.Sc. (History), Professor, State Humanitarian-Technological University (Moscow Region State Institute of Humanities), Department of History; Professor of the Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); sergei.malovichko@gmail.com